

Польша, Советский Союз, кризис версальской системы и причины начала Второй мировой войны*

Славомир Дембски**

Через семьдесят лет после начала Второй мировой войны очень трудно дать новый, оригинальный ответ на вопрос: как могло так случиться, что спустя всего двадцать лет после окончания одной кровавой бойни, каковой была Первая мировая война, в Европе разразилась новая, еще более тотальная, кровавая и ужасающая, еще более всеобщая война. В отличие от трудов, анализирующих причины начала Первой мировой войны и появившихся особенно в межвоенный период, вопрос *Kriegsschuldfrage*, то есть ответственности за разжигание Второй мировой войны, не вызывает принципиальных разногласий. За возникновение войны и придание ей варварского характера, нарушающего все нормы морали и права, ответственность несет, прежде всего, Германия. Государство и народ. Без констатации того, что ко Второй мировой войне привела агрессивная политика канцлера Германии Адольфа Гитлера, поддерживаемая всеми массами немецкого народа, не удастся понять сути этой мировой войны. Не удастся объяснить, почему 1 сентября 1939 г. в 4:45 утра германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польскому складу боеприпасов на Вестерплатте в Вольном городе Гданьске, подав тем самым сигнал к началу германского нападения на Польшу. Не удастся ответить на вопрос, почему двумя днями позже Великобритания и Франция объявили Германии войну, а 17 сентября нападение на Польшу со-

вершил Советский Союз. Абстрагируясь от стремления Гитлера сломать сложившийся после 1919 г. порядок в Европе и создать на его руинах «тысячелетний Рейх», мы не поймем всей цепи событий, которые произошли позже: сражений на суше, на море и в воздухе, существования концентрационных лагерей, гетто, Холокоста, истребления цыган и славян, массового уничтожения гражданского населения, ковровых бомбардировок, сброса атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки. Не поймем насилия и разбоя, примеров мужества и героизма, предательства и коллаборационизма — всего того, что составляет всеобщую историю между 1 сентября 1939 г. и 2 сентября 1945 г., когда в 9:25 утра на борту другого линкора — на этот раз американского «Миссури» — японская делегация подписала акт о капитуляции, положивший конец боевым действиям Второй мировой войны.

Польша и Версальская система

С началом Второй мировой войны окончательно завершился 20-летний период существования Версальской системы, созданной державами-победительницами после Первой мировой войны. Польша и Россия занимали в этой системе диаметрально противоположные места. Возрожденная Польша стала ее неотъемлемой составной частью и одним из главных бенефициантов. Александр Скушиньски, один из самых выдающихся польских министров

* Публикуемая статья подготовлена по просьбе российско-польской Группы по сложным вопросам, вытекающими из истории отношений между двумя странами в качестве главы в совместную публикацию «Белые пятна — Черные пятна. Российско-польские отношения в XX веке» под редакцией А. В. Торкунова и А. Д. Ротфельда. Ведется работа над рукописью этого труда.

** Славомир Дембски, директор Польского института международных дел, член российско-польской Группы по сложным вопросам, доктор исторических наук.

иностранных дел межвоенного периода, писал, что из Версаля Польша вышла как «интегральная составная часть новой политической системы, которая, по мысли ее творцов, должна обозначить для будущей германской экспансии определенные границы, за которые та не должна выходить». В другом своем высказывании Скиншиньски говорил, что «Версальский договор — это существование Польши». Он повторял, что «в руках Польши находится ключ к европейской безопасности — любая комбинация, которая попыталась бы его игнорировать, заранее обречена на полную неудачу»¹. Однако отношение Польши к государствам-основателям версальского миропорядка было все время двойственным. Возрожденное польское государство возникло в ноябре 1918 г. в результате совместных усилий, предпринимавшихся в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Риме сторонниками национально-консервативного лагеря, и самостоятельного взятия власти на польских землях представителями левого национально-освободительного движения. Пафос действия, традиция самостоятельной борьбы за собственное государство налагали свой отпечаток на внешнеполитический образ мышления поляков. В сферу государственных интересов Польши входило сотрудничество с Парижем и Лондоном в деле стабилизации новой системы международного устройства. Этому служили военные союзы с Францией и Румынией, заключенные в 1921 г., стремление к взаимодействию с Великобританией, поддержка в первое послевоенное десятилетие институтов Версальской системы, таких как Лига Наций. Предполагалось, что в сферу жизненных интересов Франции, базирующихся на концептуализации опыта поражения 1870 г., — Франции, являвшейся главным архитектором Версальской системы, — будет входить защита этой системы. Французский военный потенциал, ставивший эту страну на первое место среди европейских держав, должен был служить гарантией мира в Европе. То есть в начале 1920-х гг. польско-французский союз естественным образом вытекал из общности стратегических интересов обоих государств, которая, однако, начала подвергаться эрозии после заключения в 1925 г. договора в Локарно, который укреплял безопасность стран, расположенных на Рейне, и одновременно превращал Восточную Европу в регион с относительно низким уровнем безопасности. Такое различие вбило клин в польско-французский союз и в стратегическое содружество обоих государств².

Чуть ли не на следующий день после подписания Версальского договора появилось мнение, что в будущем необходимо потребуются его модернизация. Я употребляю выражение «модернизация», а не «реформа», так как считаю, что оно лучше передает интенции сторонников изменений. Не забудем, что они стремились обеспечить Европе мир. На фронтах Первой мировой войны в сражениях участвовало 60 миллионов европейцев, 7 миллионов погибли,

27 миллионов стали инвалидами или были тяжело ранены, 4 миллиона женщин потеряли своих мужей, а 8 миллионов детей — отцов. Франция заплатила за победу 1,3 миллиона убитыми, то есть одной восьмой частью всего мужского населения, 4,3 миллиона были ранены, из которых 1,1 миллиона был нанесен необратимый вред здоровью. Французское государство должно было взять на себя заботу о 600 тысячах вдов и 750 тысячах сирот. Первая мировая война принесла Франции демографическую катастрофу, имевшую огромные стратегические последствия для извечного соперничества с многонаселенной Германией, всегда имевшей к тому же более высокий прирост населения³. Поэтому ничего удивительного, что французским и британским политикам было трудно даже представить себе, что какой-нибудь европейский политик, находясь в здравом рассудке, может вообразить, будто во имя реализации неких политических целей может оправдать себя новая война в Европе. Поэтому они хотели мирным и эволюционным путем привести Версальскую систему в соответствие с новыми условиями, вытекающим из успехов в деле перевода Германии в главное русло европейской политики. Они считали, что суверенитет крупного, современного, высокоразвитого европейского государства, каким была Германия, не может вечно ограничиваться без ущерба для безопасности континента. То есть систему следовало модернизировать таким образом, чтобы Германия нашла в нем себе соответствующее место, а германский ревизионизм утратил свой основной мотив⁴.

По известным причинам Польша сдержанно относилась к концепции модернизации версальской системы и поиска в ней места для усиления Германии. Варшава подозревала — преимущественно правильно, — что за этим могут скрываться замыслы, направленные если не на ревизию польских границ и ограничение польских прав в Вольном городе Гданьске, то на попытки инструментализировать проблему безопасности в Центральной Европе. Так, как это имело место на конференции в Локарно. Такие акценты все время появлялись в беседах, часто очень открытых, польских дипломатов с их коллегами, представляющими западные державы. Например, в декабре 1935 г. Ральф С. Стевенсон, заместитель начальника отдела Лиги Наций в Форин Офис заявил в Женеве сотрудникам польского МИД Владиславу Кульскому и Яну Вшеляки, что «в отношении Германии надо выбрать один из двух путей: либо купить мир, либо вести войну. Англия до последней возможности будет стараться идти первым путем... В Европе австрийский вопрос завершится если не присоединением, то подчинением. Это, однако, не остановит экспансию, которая может развиваться в направлении Чехословакии, а также, может быть, и Польши. Англия — утверждал Стевенсон — может вмешаться лишь для защиты status quo на западе Европы, но никакая Палата общин не даст согласия на вмеша-

тельство для защиты существующего положения дел в Центральной и Восточной Европе, например для защиты коридора [т.е. Гданьского Поморья]»⁵.

Способ, каким Польша появилась на карте Европы после 1918 г., в значительной степени наложил отпечаток на подход польской политической элиты к проблемам безопасности государства и к его внешней политике. Всегда, и в первое, и во второе межвоенное десятилетие, она делала упор на самостоятельность внешней политики. Критерием участия в разного рода европейских политических проектах для нее всегда было потенциальное влияние этих проектов на status quo между Польшей и Германией. Этот критерий всегда определял границы польского сотрудничества с западными державами. Этому часто не понимали в Париже и Лондоне. В феврале 1933 г. советник посольства в Париже Анатолий Мюльштейн писал министру Беку: «...Нормальный французский склад ума не в состоянии понять..., чтобы Польша публично утверждала свою, отличную от французской, точку зрения. Обычный француз считает нормальным, что в некоторых вопросах Франция и Польша солидарны. Обратная позиция для него непонятна, и ее он считает в известной степени „предательством“»⁶.

Подход Польши к версальскому мироустройству и ее отношения с западными державами легче понять, если сопоставить их с политикой Чехословакии. Оба государства возникли после Первой мировой войны и были существенными элементами сформированного по ее итогам миропорядка. Однако Чехословакия обязана западным державам неизмеримо больше, чем Польша. Ведь Париж и Лондон имели значительно больший голос в процессе формирования границ Чехословакии. Иногда их претенциозно даже считали отцами-основателями этого государства, хотя пафос самостоятельной борьбы за свою государственность имел место также и в Чехословакии. Он был в основном связан с боевым путем чехословацких легионов в России, сражениями с войсками «Красной Венгрии» Белы Куна или, наконец, с отнятием у Польши Тешинской области в январе 1919 г. Однако его воздействие на чехословацкую внешнюю политику было несравнимо более слабым. Как следствие, в межвоенный период Чехословакия проводила в отношении западных держав политику более безоговорочную, чем Польша. Она более тесно сотрудничала с Парижем и Лондоном. Чехословацких политиков больше, чем польских, любили и осыпали комплиментами в европейских политических салонах. Такой контраст еще сильнее проявился после майского переворота в Польше в 1926 г., когда его дополнительно усилили различия в общественном устройстве. Чехословацкие политики, особенно министр иностранных дел Эдуард Бенеш, в разговорах с западными политиками и дипломатами каждый раз старались нарочито противопоставить свою скоординированную позицию «авантюристской» политике, проводимой Польшей⁷.

Однако польский историк недавно обратил внимание на то, что «Эдуард Бенеш, пользующийся — в отличие от Юзефа Бека — несомненной популярностью и признанием в глазах западноевропейского общественного мнения, не был в состоянии использовать эти достоинства для получения каких-либо выгод при принятии судьбоносных решений на Мюнхенской конференции осенью 1938 г.»⁸.

Лучшей иллюстрацией разницы в подходах Польши и Чехословакии к западным державам и их планам реформировать Версальскую систему было отношение этих двух государств к так называемому Пакту четырех, заключенному Великобританией, Францией, Германией и Италией 15 июля 1933 г. по инициативе Бенито Муссолини. Пакт предусматривал сотрудничество четырех европейских держав во всех «политических и неполитических» вопросах, в том числе и в деле пересмотра договоров. В одном из первых вариантов пакта, предложенном Италией, говорилось даже о возможности ликвидации польского коридора и непосредственного соединения Восточной Пруссии с Германией. Правда, из-за протеста Парижа и Лондона этот вариант пакта был модифицирован, но, тем не менее, французские политики и дипломаты не скрывали, что это не означает отказа от данной идеи и от пересмотра договоров путем соглашения, выработанного директорией европейских государств.

Чехословакия, а вместе с ней образующие Малую Антанту Румыния и Югославия опротестовали идею Пакта четырех. Прага, однако, очень старалась, чтобы, показывая свое неудовольствие, не подвергнуть себя риску испортить отношения с Парижем и Лондоном. Малая Антанта критиковала идею директории, но, в конце концов, удовлетворилась французскими заверениями о доброй воле и интерпретационной декларацией. Польша же поставила свои отношения с Францией на лезвие ножа. Когда 6 апреля 1933 г. премьер Франции Эдуард Даладе заявил, что «никакой договор не вечен», министр Бек в разговоре с французским послом в Варшаве Жюлем Ларошем прореагировал очень остро: «Если какое-либо государство одно или вместе с другими захочет покуситься на один квадратный метр нашей территории, то заговорят пушки. Об этом знают в Берлине, и это принято там к сведению. Боюсь, что об этом не знают достаточно хорошо в Лондоне и Риме, и даже в Париже...»⁹. Польша не изменила своего отношения к Пакту четырех, несмотря на заверения со стороны Франции и Великобритании в том, что его положения будут интерпретироваться таким образом, чтобы учитывались интересы третьих государств. Министр Бек публично заявил, что польское правительство не будет сотрудничать с четырьмя державами как международным субъектом и не будет подчиняться его решениям, а в случае, если он переродится в неформальный орган, управляющий деятельностью Лиги Наций, пригрозил выходом Польши из этой организации¹⁰.

Польша стала искать пути выхода из ловушки, в которую ее толкала политика Парижа и Лондона, политика, направленная на модернизацию версальской системы в виде «нового Версаля» с участием Германии. И пока сохранялась напряженность в польско-германских отношениях, возможный успех такого предприятия мог привести к попытке удовлетворить германские притязания за счет западных границ Польши и включения Вольного города Гданьска в состав Германии. И хотя Пакт четырех не вступил в силу благодаря Адольфу Гитлеру, который потерял к нему всякий интерес, он стал импульсом со стороны Польши к польско-германскому сближению, что привело к подписанию 26 января 1934 г. Декларации о неприменении силы, которая должна была действовать 10 лет.

Хотя с падением Версальской системы перестали существовать как Чехословакия, так и Польша, тем не менее, нельзя не заметить, что Варшава оставалась субъектом этой системы до ее последних дней, что в начальной фазе войны ставило польские власти в значительно лучшую ситуацию, чем та, в которой оказались власти Чехословакии в 1938 г. Следует также признать, что к успехам этой политики нужно отнести факт того, что германская агрессия против Польши 1 сентября 1939 г. не была началом локального, короткого конфликта, но переросла во всеобщую войну, в которой Польша участвовала, являясь союзником Великобритании и Франции — держав, которые уже победили Германию в одной мировой войне. Польша, правда, эту войну проиграла, ибо ей не удалось по ее окончании вновь обрести независимость. Однако это не было результатом ошибочных решений польского руководства в первой фазе конфликта, а, скорее, следствием того, что в конце концов в лагере победителей оказался Советский Союз — держава, которая в сентябре 1939 г. вместе с Третьим рейхом вновь навязала миру парадигму сфер влияния и привела к ликвидации польского государства.

Логика польско-германского сближения в 1934 г. основывалась на протесте против предлагаемого западными державами способа улучшения Версальской системы. И хотя мотивы обоих участников Декларации от 26 января были разными, их объединяла тактическая необходимость. Гитлер был ревизионистом, стремящимся уничтожить версальскую систему, а не улучшать ее совместными усилиями. Даже и ограниченную до «директории держав». Польша же категорически противилась всем замыслам модернизировать Версаль за ее счет. Благодаря Декларации от 26 января 1934 г., Польша на несколько лет отодвинула от себя угрозу превращения в валюту, за которую западные державы могли бы купить у Гитлера мир. Германия, в свою очередь, избегала изоляции после выхода из Лиги Наций.

Гитлер, в отличие от своих предшественников на посту канцлера, сначала не намеревался обязательно

«прикончить» Польшу, что само собой вело к тому, что в Варшаве его считали политиком умеренным и разумным. Вначале фюрер отводил Польше роль «сторожевого поста» (*Vorposten*), «бастиона цивилизации на востоке», прикрывающего Германию, с одной стороны, от большевизма, а с другой — от потенциальных попыток Франции оказать давление на Рейх. В дальнейшей перспективе Гитлер рассчитывал крепче повязать Варшаву и подчинить ее германским целям на международной арене. Он готовился прежде всего к конфронтации с Францией. Поэтому в первую очередь он стремился лишить ее потенциальных союзников (французы многое делали, чтобы ему в этом помочь). Лишь после победы на западе Европы Гитлер намеревался двинуться на Россию. И в этом деле он не исключал возможности взаимодействия с Варшавой. Таким образом, «роль Польши в перспективных планах Гитлера на востоке зависела от того, как будут развиваться отношения Германии с западными державами»¹¹.

Польско-германское сближение совпало по времени с эрозией германо-советского взаимодействия, начало которому было положено Рапальским договором 1922 г. и подтверждено Берлинским договором 1926 г. Сотрудничество двух соседей, враждебно настроенных к возрожденной Польше, с самого начала представляло угрозу ее существованию. По крайней мере, такую же угрозу, как возможные реформы версальского мироустройства за счет Польши. Маршал Сейма Казимеж Сьвитальски, один из ближайших соратников Юзефа Пилсудского, записал слова маршала, высказанные 7 марта 1934 г. на совещании узкого круга наиболее доверенных сотрудников: «В своей истории времен Екатерины и Фридриха Прусского Польша на своей собственной шкуре испытала, что произойдет, когда два могущественных соседа договорятся между собой. Тогда Польша была изорвана в клочья. Такая опасность для Польши существует всегда. После мировой войны она уменьшилась, потому что Германия была разбита Антантой, а Россию побил Комендант [т. е. Пилсудский]. И эти государства были ослаблены. Но они заключили между собой Рапальский договор, который, правда, не был направлен исключительно против Польши, а против всего мира, но был опасен для Польши»¹².

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с момента появления первых трещин в германо-советском сотрудничестве Польша пыталась извлечь для себя пользу из этой ситуации. Через два месяца после майского государственного переворота, 12 июля 1926 г., по инициативе маршала Польши Юзефа Пилсудского состоялась его беседа с Петром Лазаревичем Войковым, советским полпредом в Варшаве. Целью Пилсудского было заверить советского дипломата в том, что изменения общественного устройства в Польше никоим образом не представляют угрозу Советскому Союзу. Пилсудский говорил Войкову: «Я сейчас стараюсь всеми средствами, которые имею

в своем распоряжении, дать понять и известить всех, что мой приход к власти при помощи армии не означает войну. Мне понятно беспокойство, которое охватило не только вас, но и других. Что касается вас, — говорил маршал, — скажу совершенно открыто: Зачем мне война с вами? Я уже воевал с вами и из этой войны вышел покрытый славой. Думаю, что я оказался в этой войне победителем. Зачем мне теперь искать реванш? Мне не надо искать реванш. Это вам, может быть, следует искать реванш... Заявляю, — продолжал Пилсудский, — что я не хочу никакой войны и не буду ее хотеть». Войков запротестовал и заверил, что Советский Союз также не будет искать никакого реванша. Через минуту разговор перешел на тему договора, в котором обе стороны обязались бы отказаться от взаимного нападения¹³.

В 1919–1939 гг. перед лицом ревизионистской политики двух мощных соседей Польша стремилась сохранить равновесие (хотя по поводу термина «политика равновесия», который действительно использовался, спорят и до сегодняшнего дня)¹⁴. 4 апреля 1939 г., объясняя фундаментальные положения польской внешней политики премьеру Великобритании Чемберлену и лорду Галифаксу, министр Бек отметил: «Что касается Польши, то две правды, обусловленные ее географическим положением, имеют принципиальное значение. А именно: чтобы польская политика не опиралась ни на Германию, ни на Россию. Если бы Польша ставила свою политику в зависимость от одной из этих держав, то она перестала бы быть фактором мира и стала бы фактором, могущим спровоцировать конфликт... Этот принцип имеет для нас жизненно важное значение»¹⁵.

Действительно, уже в 1919 г. Юзеф Пилсудский — автор основных принципов внешней политики возрожденной Польши — говорил: «Если бы мы были вынуждены соединиться либо с Германией, либо с большевиками, то это означало бы, что наше дело не доведено до конца. Цивилизаторская миссия Польши осталась бы невыполненной»¹⁶. Польская политика «не опираться ни на Германию, ни на Россию», стремящаяся сохранить самостоятельный характер, требовала, конечно, подстраховки в виде участия в укреплении версальской системы, то есть упрочения связей с западными державами. Это имело большое значение, особенно в контексте германо-советского сотрудничества, в которое всегда вплетался элемент враждебности к факту существования польского государства.

В ситуации, когда в Европе доминировали тенденции к модернизации Версальской системы путем формирования нового состава держав-основателей европейского устройства, Договор о ненападении с Советским Союзом 1932 г. и Декларация с Германией от 26 января 1934 г. были в польской внешней политике договорным проявлением стремления сохранить политическую самостоятельность. Удержание этого курса достигалось, с одной стороны, путем последовательного отказа от поступающих из Берлина

намеков на необходимость установить польско-германское взаимодействие на российском направлении. С другой стороны — путем выражения готовности выступить в защиту Версальской системы в случае появления радикальных изменений в политике западных держав в отношении Германии и их отхода от политики «умиротворения» Гитлера.

Наиболее ярким проявлением такой политики была позиция Польши в вопросе о ремилитаризации Рейнской области. Получив известие о вступлении германских войск в Рейнскую область 7 марта 1936 г., Бек провел консультации с президентом Мосьчицким, премьером и начальником Генерального штаба и заявил французскому послу в Варшаве Леону Ноэлю, что если Париж решится отреагировать, то Польша будет выполнять союзнические обязательства, вытекающие из договора 1921 г.¹⁷. Но Франция осталась безучастной к германской акции. Такое решение уже на протяжении десятков лет историки считают кардинальной ошибкой. Ее последствия привели затем к аншлюсу Австрии, конференции в Мюнхене и, наконец, к началу Второй мировой войны.

Таким образом, несмотря на сближение с Германией после 1934 г., польское руководство последовательно считало, что если бы в Европе дело дошло до вооруженной конфронтации между Германией и западными державами, защищающими Версальскую систему, то Польша должна была встать на сторону западных держав. В марте 1937 г. во время беседы с Уинстоном Черчиллем, ярким противником «умиротворения», Бек дал понять британскому политику, что если дело дойдет до войны, вызванной «нарушением порядка в Европе со стороны Германии, то Польша встанет на сторону Великобритании»¹⁸. В свою очередь, еще в 1934 г. Бек предостерегал французского посла в Варшаве, что «лучше поговорить сейчас, чем через два или три года консолидации гитлеровского режима». Но ни в Париже, ни в Лондоне на это не было ни желания, ни сил.

Советская Россия и версальский порядок

Отношение Советской России к версальскому мироустройству вытекало из ее периферийного положения¹⁹. Можно даже сказать, что в межвоенный период большевистская Россия была внесистемным элементом. Большевистская революция отодвинула Россию на задворки европейской политики, хотя, без сомнения, на Версальской конференции ей полагалось место среди держав-победительниц. Во всей России, однако, не было никого, кто мог бы ее там представлять. Император Николай был зверски убит вместе со всей семьей, «Верховный правитель Государства Российского» адмирал Александр Колчак не контролировал европейскую часть России, поэтому не мог принимать решения о ее западных границах. А авантюристская интервенция Антанты исключила участие в конференции большевиков. Впрочем, эти последние разговаривали с представителями «бур-

жуазного» мира только тогда, когда у них не было иного выхода или когда возникала угроза их власти. Да и какой смысл вести какие-то переговоры, если, по предсказаниям Маркса и Ленина, капиталистический мир со дня на день должен пасть под ударами пролетарской революции?

Потеря империи — вот цена, которую заплатили большевики за взятие власти в России. Но с этим они никогда не смирились. 7 ноября 1937 г. на ужине у Климента Ворошилова Сталин поделился со своими сотрапезниками следующим соображением: «Русские цари наделали много зла. Грабили и угнетали народ. В интересах помещиков вели войны и захватывали территории. Но они сделали одно хорошее дело — создали огромное государство — вплоть до Камчатки. Мы унаследовали это государство. И только мы, большевики, объединили и укрепили его не в интересах помещиков и капиталистов, но с пользой для трудящихся, всех народов, образующих это государство»²⁰. В этих словах, однако, мы находим только один источник советского ревизионизма. Мечта завладеть всем миром тем же способом, каким это удалось сделать в России, составляла второй источник внешней политики большевиков. В ней соединялись русская традиция и большевистское новаторство — мечта превратить Россию в новый центр мира. Такая мысль никогда бы и в голову не пришла русским царям. Даже самым решительным в деле преобразования России: Петру I, Александру I, Александру II и ни одному из более ранних российских реформаторов.

Отсюда и двойственный характер советской внешней политики, проводимой как Наркоминделом, так и Коминтерном²¹. Ревизионистская Советская Россия поддерживала такие же ревизионистские планы других «обиженных» в 1919 г.: Германии (в 1919–1932 гг.) и Венгрии, ищущей возможности вернуть себе Семигород [Трансильванию — *Прим. ред.*] (в 1939–1940 гг.)²². В июле 1940 г. в разговоре с Стаффордом Криппсом, новым британским послом в Москве, Сталин заявил: «Мы хотим изменить старое равновесие сил в Европе, которое действовало против СССР»²³. Целью Сталина была ликвидация версальского мироустройства, а затем противодействие тенденциям, направленным на его воссоздание.

Оба ревизионизма, германский и советский, естественным образом притягивались друг к другу, следствием чего стала «линия Рапалло» в политике обоих государств. Локарнский договор изменил ситуацию. Германия стала полноправным участником Версальской системы, а Советский Союз продолжал оставаться на ее периферии. Правда, оба государства все еще стремились улучшить свое положение, но после 1925 г. Берлин получил возможность делать это в рамках Версальской системы. Поэтому обоим государствам стало труднее согласовывать способ совместных действий. В Берлине к «линии Рапалло» с самого начала относились как к элементу давления на западные державы, но после Локарно политиче-

ский союз с Москвой утратил свой ранее рациональный характер²⁴. На рубеже 1920-х и 1930-х гг. международная конъюнктура не давала Советам оснований надеяться, что Версальская система может рухнуть в результате нового глобального вооруженного конфликта в Европе. Поэтому Москве не оставалось ничего иного, как только пытаться изменить существующее устройство в Европе дипломатическими методами. Этому служила политика коллективной безопасности.

В приходе к власти нацизма в Германии, чему в значительной степени способствовала Москва, предписывая германским коммунистам бороться не с нацистами, а с социал-демократами, Сталин видел симптом кризиса капиталистического мира²⁵. «Победу фашизма, — говорил Сталин 26 января 1934 г. с трибуны XVII съезда ВКП(б), — следует рассматривать также как проявление слабости буржуазии, как проявление того, что буржуазия не в состоянии осуществлять власть при помощи старых методов парламентаризма и буржуазной демократии, ... как проявление того, что она уже не в состоянии найти выход из нынешней ситуации на почве мирной внешней политики, в результате чего она вынуждена прибегать к политике войны...»²⁶. Нацизм был для Сталина лучше капитализма, а Гитлер лучше, чем какой-нибудь политик демократических взглядов. Прежде всего потому, что он высказывался за радикально противоположный, чем, например, Густав Штресеманн, способ изменения положения Германии в Европе. Опасность того, что Гитлер будет стремиться расширить *Lebensraum* для германского народа в направлении на восток, представлялась Сталину как очень далекая и маловероятная перспектива. Целью фюрера — как считали в Москве — была не реформа, а уничтожение Версальского договора. Тем самым вновь начала вырисовываться схожесть интересов Берлина и Москвы.

Летом 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна генеральный секретарь этой организации Г. Димитров открыто заявил: «Наша борьба с варварским фашизмом не означает, что мы стали сторонниками лицемерной и подкупной буржуазной демократии. Да, мы не демократы!... Целью нашей борьбы с фашизмом не является установление буржуазной демократии, но завоевание советской власти»²⁷.

Поэтому Сталин открыто давал понять, что если только Гитлеру потребуется какая-либо поддержка со стороны Советского Союза для реализации его планов свержения Версальской системы, то он не видел бы преград для заключения такого соглашения: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восхищаться фашистским режимом в Германии. Но здесь речь идет не о фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить самые хорошие отношения с этой страной. Речь не идет также о, якобы, изменении нашего отношения к Версальскому договору. Не мы, которые испытали

позор Брестского мира, будем петь хвалебный гимн Версальскому договору»²⁸.

После 1933 г. Советский Союз параллельно с официальной антифашистской риторикой и политикой коллективной безопасности неустанно принимал попытки восстановить германо-советское сотрудничество «в духе Рапалло». Такое предложение делал, в частности, Давид Канделаки, глава советской делегации на советско-германских переговорах по торговле, проходивших в Берлине в 1935–1936 гг. (о чем Германия практически немедленно проинформировала Варшаву). Но Гитлер не был заинтересован в советских предложениях²⁹. Однако советская дипломатия все время питала надежду, что конъюнктура на германо-советское взаимодействие изменится и приведет к ликвидации польского государства. 4 апреля 1938 г. Потемкин, заместитель Литвинова, писал Якову Сурицу, полпреду в Париже: «Германия толкает Польшу на конфликт с СССР. Гитлер уверен, что наши войска одержат над Польшей победу. Когда мы займем некоторые части Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически реализуя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и потерю национальной независимости»³⁰. Потемкин был советским дипломатом, особенно сильно привязанным к идее разделов Польши. В ноябре 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Робертом Кулондром он предсказал «четвертый раздел» Польши³¹. Анализируя советскую политику того периода, французский посол приходит к выводу, что если в Кремле будет избран какой-нибудь новый курс во внешней политике, то он, можно сказать с полной уверенностью, будет направлен против интересов Польши³².

Мюнхенский договор, или «Мир на наши времена»

Во второй половине 1930-х гг. народы Западной Европы не допускали мысли, что выдвигаемые Германией требования пересмотра Версальской системы могут привести к европейской войне, да к тому же в защиту «этих удаленных стран, о которых мы так мало знаем». Политика «умиротворения» Германии была политически корректной и лежала в русле заботы о безопасности Европы. Лорд Галифакс, находясь в Германии в ноябре 1937 г., предлагал Гитлеру вернуться к концепции «исправления ошибок Версальского договора» путем заключения соглашения между четырьмя державами: Германией, Великобританией, Францией и Италией. Глава британской дипломатии имел в виду прежде всего изменения, касающиеся Австрии и Чехословакии. Он выразил также готовность начать с Германией переговоры о новом разделе колоний в рамках «общего урегулирования». Гитлер, в соответствии с основными направлениями своей политики, не был заинтересован в многостороннем решении вопросов, свои планы, касающиеся Австрии и Чехословакии, он намеревался реализовать без при-

нятия на себя каких-либо обязательств в отношении западных держав.

Как Польша, так и Советский Союз были в стороне от поисков *general settlement* между Берлином, Парижем, Лондоном и Римом. Но причины тому были разные. Нормализация польско-германских отношений после 1934 г. способствовала тому, что к Польше перестали относиться как к разменной монете западных держав в торгах с Германией за новый порядок в Европе. Ее стали воспринимать как тяготеющую к Берлину.

В свою очередь, Советскому Союзу, несмотря на старания Литвинова: заключение союза с Францией и вступление в Лигу Наций, не удалось получить статус полноправной державы. Проводимая Францией и Великобританией политика удовлетворения растущих запросов Германии путем заключения многосторонних соглашений не предусматривала участия в ней СССР. Здесь правила логика Версальской системы, сформированной без России. Парижская конференция 1919 г. породила уверенность в том, что изменение Версальской системы, проводимое великими державами — конструкторами версальского мироустройства, — соответствует нормам международного права³³. Правда, такое мироустройство неоднократно подвергалось модификации (Локарно, планы Дауэса и Юнга, Пакт четырех), но всегда одним и тем же способом. Логика Версаля существенно ограничивала пространство для маневра советской дипломатии. Ее не могла преодолеть продвигаемая Литвиновым политика коллективной безопасности³⁴, впрочем, представляющая собой лишь суррогат политики, отвечающей, главным образом, устремлениям большевиков.

Конференция в Мюнхене была последней удачной попыткой модифицировать Версальскую систему. Франция и Великобритания хотели видеть в ней способ окончательно исправить недостатки Версальского договора и удовлетворить требования германского ревизионизма. Они намеревались заменить версальское устройство новым, справедливым и окончательным мюнхенским порядком. Именно поэтому Невилл Чемберлен хвалился, что из Мюнхена он привез «мир на наши времена». Корректировка германо-чехословацкой границы казалась британским и французским политикам малой, абсолютно легитимной ценой за мир в Европе.

Логика модернизации Версальской системы содержала элемент, угрожающий жизненным польским интересам. Поэтому Варшава старалась выдерживать дистанцию по отношению к проводимой западными державами политике уступок Германии. Одновременно она не хотела обременять свои отношения с ними, особенно в контексте проводимой Парижем и Лондоном политики уступок германским требованиям³⁵. Это стимулировало стремление Польши получить статус европейской державы³⁶. Это стремление перекликалось с поиском Польшей путей к независимой и самостоятельной внешней политике³⁷.

Именно по этой причине Варшава не выступила в защиту Чехословакии, хотя последняя представляла собой важный элемент Версальской системы, в прочности которого Польша была заинтересована. Протест против германской акции в отношении южного соседа мог бы привести к включению «комплекса польских вопросов» в дискуссию по поводу «генерального решения»³⁸. Польша могла бы оказаться на одной скамье с Чехословакией, и к ней тоже могли бы отнести как к противнику мира в Европе.

С точки зрения Варшавы мюнхенская конференция означала поражение многолетней политики, преследующей цель не допустить, «чтобы споры между великими державами (Францией, Великобританией, Германией и Россией) проходили за счет государств, не имеющих империалистических интересов», и противодействующей инструментальному отношению держав к меньшим европейским государствам. Конечно, могло быть еще хуже. Например, если бы голос в чехословацком вопросе получил Советский Союз — то ли если бы Гитлер отступил под влиянием какой-нибудь франко-англо-советской акции, то ли если бы политика западных держав — пусть даже на минуту — попала в зависимость от позиции Москвы.

В Варшаве считали, что ситуация, в которой оказалась Чехословакия, была результатом ее слишком близких отношений с Советами³⁹. Ведь Гитлер не скрывал своего враждебного отношения к большевикам. Он последовательно противодействовал советским устремлениям получить статус равноправного европейского государства. Не случайно во время мюнхенского кризиса Риббентроп пытался выведать у польского посла в Берлине Юзефа Липского возможность присоединения Польши к Антикоминтерновскому пакту⁴⁰. Польша оставила эти попытки без внимания. Но созданную по этому поводу в 1935 г. франко-чехословацко-советскую комбинацию польская дипломатия считала негативно влияющей на ситуацию южного соседа. В соответствии с ней Советы обязались прийти Чехословакии на помощь, если раньше ей такую помощь окажет Франция. В Варшаве не верили ни в добрые советские намерения, ни в реальные возможности Советов выполнить это обязательство⁴¹. Зато концепция прохождения Красной армии, спешащей на помощь Чехословакии, через территории западных соседей СССР везде вызывала беспокойство. Когда в сентябре 1938 г. латвийское правительство раздумывало, какую позицию занять в случае возникновения вооруженного конфликта в Европе и советского участия в нем, министр обороны генерал Янис Балёдис категорически возражал против даже рассмотрения вопроса о перемещении советских войск через латвийскую территорию. Он считал, что Латвия «уже никогда не смогла бы избавиться от этих войск»⁴².

В мае 1938 г. польский посол в Москве Вацлав Гжибовски следующим образом сформулировал намерения Советского Союза: «...Суть позиции

СССР по вопросу Чехословакии изложена в известной декларации Литвинова от 17 марта с.г.»⁴³. Но «в позиции Советов, кроме моральной поддержки, невозможно разглядеть желания занять активную самостоятельную позицию по чехословацкому вопросу. Эта позиция заранее была обусловлена отношением Франции и Англии к вопросам Центральной Европы... Позиция Советов в чехословацком вопросе аналогична позиции по вопросу Испании. Кроме общих заверений [в] союзнической солидарности и мнимого желания сотрудничать в мирном урегулировании чехословацкого вопроса, в своих истинных устремлениях Советы последовательно стремятся обострить ситуацию в Центральной Европе в расчете на возможный вооруженный конфликт, в отношении которого Советы могли бы занять пока выжидательную позицию»⁴⁴. Столь трезвую оценку советской внешней политики посол Гжибовски дал за год до начала германо-советских переговоров, которые привели к заключению пакта Риббентроп–Молотов. По всем приведенным выше причинам во время мюнхенского кризиса Польша решительно и активно противодействовала любым инициативам, которые могли бы допустить в этот процесс Советский Союз⁴⁵.

Но противодействие замкнутой концепции формирования европейского устройства четырьмя державами и стремление сохранить обособленную позицию в отношении Мюнхенской конференции привели польскую дипломатию в ловушку. Вскоре после объявления о созыве в Мюнхене конференции четырех держав польские власти приняли решение провести самостоятельную акцию. Около полуночи 30 сентября 1938 г. посол РП в Праге Казимеж Папе вручил чехословацкому правительству ультиматум с требованием уступить Польше Тешинскую область [Заользе — *Прим. ред.*]⁴⁶. В специальной инструкции польскому послу по поводу ультиматума Юзеф Бек изложил свои мотивы: «В моем понимании нынешний польско-чехословацкий спор имеет два основных аспекта, когда речь идет о позиции нашего Государства: 1) Первый, безотлагательный, это вернуть себе земли, на которые мы имеем законное право⁴⁷. 2) Второй, это позиция Речи Посполитой в отношении к новой Европе и к способу управления ею. В столь серьезный момент я считаю, что лишь смелое решение может определить принципиальное лицо нашего государства»⁴⁸. Самостоятельная польская акция должна была выражать протест против возрождающейся в Мюнхене и особенно опасной для Польши идеи директории европейских государств. Однако, как правильно заметили польские историки, «эта диверсия против духа Мюнхена» была Гитлеру только на руку. «Неприятие Польшей продвигаемого западными политиками принципа решения центрально-европейских споров исключительно мюнхенской директорией позволило канцлеру окончательно отказаться от связывающей германскую свободу

движений необходимости согласовывать требования Рейха с Лондоном и Парижем»⁴⁹.

В тот же день, когда Польша вручила Праге ультиматум, Бек совершил еще одну ошибку. В беседе с германским послом в Варшаве Гансом-Адольфом фон Мольтке, выражая благодарность за лояльную в отношении Польши позицию Германии во время судетского кризиса, он спросил, займет ли Германия доброжелательную в отношении Польши позицию, если дело дойдет до польско-чехословацкого конфликта. Он спросил также, может ли Польша рассчитывать на такую же доброжелательность Германии в случае интервенции со стороны СССР, хотя ни Бек, ни Мольтке в такую возможность не верили⁵⁰. На следующий день Риббентроп сообщил Липскому, что в первом случае позиция Германии будет доброжелательной, а во втором случае «она пойдет в отношении Польши значительно дальше, чем доброжелательная позиция»⁵¹.

Исследования, проведенные польскими историками, выявили различия между ответом Риббентропа на второй вопрос, который Липски немедленно передал в Варшаву, и действительными намерениями Германии. Изучив записи Риббентропа, мы знаем, что в действительности он считал, что если бы на самом деле дошло до советской интервенции, то для Германии сложилась бы совершенно «новая ситуация». Поэтому вполне вероятно, что поддержка Польши Германией не имела бы «безусловного характера, а была бы наверняка обусловлена выполнением Варшавой дополнительных условий»⁵².

Эти два вопроса Бека о германской позиции в отношении двух маловероятных сценариев развития событий, поставленные в непринужденной обстановке, следует признать серьезной ошибкой, вызвавшей диссонанс в проводимой им политике. Ее целью было сохранение собственной самостоятельной и независимой позиции в условиях быстро обостряющейся международной обстановки. А 30 сентября 1938 г. Бек поставил себя по отношению к Третьему рейху в положение просителя. Берлин же поспешил воспользоваться случаем. Риббентроп дал Беку положительный ответ, который ему ничего не стоил, но благодаря этому создал себе хорошую позицию для разговоров с поляками в будущем. И хотя можно понять мотивы польского протеста против директории держав, а также признать тот факт, что во время мюнхенского кризиса не было такого европейского политика, который не совершил бы ошибки, не исключив из процесса Гитлера, но, тем не менее, политику Польши в сентябре 1938 г. следует признать ошибочной. С точки зрения формирования собственной, отдельной позиции она, вопреки ожиданиям польского руководства, не принесла никакого усиления. В результате Польша оказалась в изоляции, которая усугубила ее положение, когда

уже через три недели она сама оказалась под давлением германских требований. Было ли достижение самостоятельной позиции в то время возможным? Даже если мы предположим положительный ответ на этот вопрос, то со всей уверенностью можно утверждать, что добиться этого было чрезвычайно трудно. Польша балансировала между Берлином, стремившимся к гегемонии в Центральной Европе, и Лондоном и Парижем, не способными противостоять Гитлеру и выискивавшими в регионе валюту, за которую можно было бы выменять «мир на наши времена». Польской дипломатии не удалось найти истинного равновесия.

А Бек и его сотрудники — они таким же образом оценивали положение Польши? Все еще трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. В начале ноября на совещании руководящего состава министерства Бек оценивал ситуацию Польши как чрезвычайно благоприятную⁵³. В то время он знал результаты беседы посла Липского с Риббентропом 24 октября, в ходе которой германский министр иностранных дел представил польской стороне предложение «глобального урегулирования» польско-германских отношений с очень далеко идущими требованиями. Бек все еще заблуждался, что предложения Риббентропа были его собственной инициативой, но ведь риск, что именно Польша станет очередной целью Гитлера, был велик. Однако, с другой стороны, сразу же после Мюнхенской конференции польская дипломатия вышла с инициативой к Советскому Союзу, которая должна была дать отчетливый политический сигнал о возможности развития взаимодействия двух государств, «исключенных» из мюнхенского процесса⁵⁴. Поэтому Варшава, по всей видимости, осознавала, что позиция Польши не так уж и хороша, чтобы не нуждаться в поддержке..., хотя бы со стороны СССР.

В ситуации Польши и Советского Союза после Мюнхенской конференции существовало определенное, правда, ограниченное и вызванное разными причинами сходство. Конференция стала явным поражением политики также и Советского Союза. Усилия, предпринимавшиеся Литвиновым и направленные на обеспечение СССР статуса равноправной европейской державы, оказались полностью безуспешными. Лондон и Париж продолжали относиться к Советской России как к *enfant terrible** Европы. В Лондоне у власти находились почти те же самые силы, которые одиннадцать лет тому назад порвали с ней дипломатические отношения⁵⁵. Достижения «эпохи Литвинова» — поддержка французской концепции «восточного Локарно», вступление в Лигу Наций, заключение союзов с Францией и Чехословакией — которые, как предполагалось, должны были обеспечить СССР роль одной из держав, определяющих судьбы Центральной Европы, в сентябре 1938 г. оказались полной иллюзией.

* *enfant terrible* (фр.) — «несносный ребенок».

Симптоматично протекала беседа Ивана Майского, полпреда в Лондоне, с бывшим британским премьером Д. Ллойд Джорджем сразу по окончании Мюнхенской конференции. Британский политик, правда, делал комплименты позиции, которую в период кризиса занял Советский Союз, но при случае заметил: «Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях начинается эпоха беспощадного разгула жестокой силы и политики сжатого кулака». В Англии правят силы, которые прежде всего боятся коммунизма, а Чемберлен, наконец, исполнил свою мечту о создании «Пакта четырех»⁵⁶. Иными словами, все то, на что была направлена советская политика, руководимая Литвиновым, не подавало признаков жизни. А в то же самое время угрозы, которым она должна была противодействовать, набирали силу. Если же мы сюда добавим точку зрения, высказанную примерно в это же время французским послом в Москве Робертом Кулондром, — мы получим полную картину катастрофы советской внешней политики. В ходе его последней перед окончанием миссии беседы с Литвиновым он отметил, что на протяжении 1936–1938 гг. не удалось достичь улучшения франко-советских отношений⁵⁷. Французский дипломат спросил Литвинова, как тот прогнозирует дальнейшее развитие ситуации. Народный комиссар иностранных дел ответил, что Мюнхенская конференция — это катастрофа для всего мира (то есть не только для Советского Союза). Существует две возможности: «Либо Англия и Франция будут продолжать исполнять все требования Гитлера, и он, в конце концов, добьется господства в Европе и над колониями, а взамен на какое-то время успокоится, чтобы переварить то, что проглотил, либо Англия и Франция увидят опасность и начнут искать способы противодействия гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам, но с ними уже будут разговаривать иначе. В первом случае в Европе останутся только три великие державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия будет стремиться уничтожить британскую империю и занять ее место. Менее вероятно, что она нападет на нас, ибо для Гитлера это было бы более рискованным»⁵⁸.

Хотя отсутствие Франции в списке великих держав следует приписать не столько дальновидности Литвинова, сколько той недоброжелательности, которой тот щедро одаривал французского посла, тем не менее не подлежит сомнению, что жажда взять реванш у западных держав была в Москве осенью 1938 г. чрезвычайно сильна. Не исключено, что именно в таком настроении Сталин выступал 1 октября 1938 г. Тогда он заявил, что большевики никогда не были и не являются пацифистами, вздыхающими о мире и «хватающимися за оружие только тогда, когда на них нападут». Напротив, объяснял он, не исключено, что «большевики нападут сами, если это будет война справедливая, если ситуация будет

благоприятная, если условия будут способствовать... [большевики] в общем не противники наступления, не противники войны как таковой... То, что мы сейчас кричим о мире — это лишь вуаль, вуаль! Все государства маскируются: с волками жить — по волчьей выть»⁵⁹. Чтобы ситуация начала способствовать такому сценарию Сталина, Гитлер должен был нарушить Мюнхенское соглашение.

Советский Союз не намеревался выступать в защиту Чехословакии. Ни в коем случае он не мог этого сделать самостоятельно, а подход Лондона и Парижа исключал совместные действия. «Франция и Англия, — писал Литвинов в октябре 1938 г. полпреду в Париже Якову Сурицу, — обратятся к нам только в том случае, если у них не вытанцуются соглашения с Берлином и тот выдвинет требования, которые и для них тоже окажутся неприятными»⁶⁰. Уже тогда Сталин думал, как заинтересовать Гитлера сотрудничеством с СССР. 17 октября в Кремле обсуждалась возможность разрыва советско-французского договора о взаимной помощи. В конце концов, Литвинову удалось отговорить Сталина от этого шага. Вся Европа восприняла бы это не иначе, как вотум недоверия западным державам. Ясно, что Советский Союз уже не намеревается участвовать в каких-либо акциях, направленных на сдерживание германской экспансии⁶¹.

После Мюнхена Сталин должен был отдавать себе отчет, что его стремление получить для Советского Союза статус, равноправный с другими европейскими державами, может быть реализовано лишь при условии, что Гитлер будет продолжать свою прежнюю политику. Если бы мюнхенское соглашение могло удовлетворить экспансивные устремления Гитлера, Сталину не оставалось бы ничего иного, как только постараться улучшить собственное положение методами, за которые много лет выступал Литвинов. То есть путем восстановления сотрудничества с Лондоном и Парижем. В стремлении уничтожить Версальскую систему, после Мюнхена Сталин должен был болеть за Гитлера. Литвинов тогда, наверное, и не подозревал, что в этой ситуации и его личная судьба зависела от будущего Мюнхенского соглашения.

Большие торги

Вся конструкция мюнхенской системы зиждилась на очень слабом фундаменте. Его прочность зависела исключительно от воли Гитлера и от соблюдения им своих обязательств. Уже через несколько недель после конференции в Мюнхене из Берлина начали поступать сигналы о том, что с этим могут быть проблемы. Великобритания и Франция превратились в заложников действий канцлера Германии, а Гитлер считал мюнхенский договор поражением. Его целью была локальная молниеносная война с Чехословакией, а тем временем, вопреки его воле, он был втянут в дипломатическую конференцию. В результате, правда, без единого выстрела и с согласия западных

держав, он изменил германо-чехословацкую границу и поставил в зависимость от Германии урезанное небольшое государство со столицей в Праге, но цену, которую ему пришлось заплатить, он считал слишком высокой и не соответствовавшей его замыслам. Он был вынужден признать за Лондоном и Парижем право соучаствовать в делах Центральной Европы, что связывало ему руки. Правда, польский ультиматум по вопросу о Тешинской области позволил существенно ослабить эти путы, но Гитлер всегда считал Мюнхен своей самой большой ошибкой. Он упрекал себя в том, что не захотел или даже не смог перейти от пропаганды и дипломатии к военным действиям⁶². Помня этот горький урок, он был впоследствии очень осторожным, чтобы его не повторить. В последующие годы Гитлер иногда переносил срок нападения, но никогда не менял решения о нем. Летом 1939 г. он вызовет в Берлин своих послов из Варшавы и Лондона и уже не позволит им вернуться в свои посольства. И все ради того, чтобы — как он разъяснял высшему командному составу германских вооруженных сил 22 августа 1939 г. — не допустить, чтобы в последний момент какой-нибудь *Schweinehund** выступил с предложением компромисса и попытался его вновь обмануть. Намек на Чемберлена и Мюнхен был очевиден⁶³.

Надежды западных держав, связанные с созданием мюнхенской системы, основывались на уверенности в нерушимости политических норм и одного из основных положений международного права — *pacta sunt servanda*** . Считалось, что война не в интересах Германии, переживающей период расцвета. Напомним, что тридцатые годы XX века были временем ренессанса немецкой культуры. В 1929 г. Томас Манн получил Нобелевскую премию в области литературы. Мир узнавал Германию через великолепные произведения Эрнста Толлера и Бертольда Брехта. В историю вошли незабываемые актерские шедевры Элизабет Бергнер и Марлен Дитрих. Расцвет переживала немецкая музыка (оперы Рихарда Штрауса, его знаменитая «Саломея» на либретто Оскара Уайльда, мюзиклы проживавшего в Соединенных Штатах Курта Вайля, например «Трехгрошовая опера» на либретто Бертольда Брехта), живопись (нельзя не вспомнить Макса Бекмана) и архитектура (мир восхищался стилем Баухауса)⁶⁴. Популизмом Гитлера и нацистской идеологией мир мало интересовался. Из нескольких тысяч статей, опубликованных в британской прессе в тридцатые годы и рассказывающих о Германии лишь 25 (!) были посвящены феномену нацистской идеологии⁶⁵. Экстравагантных и харизматических ораторов, охотно подхватывавших популистские тезисы, в то время было много в Европе (Муссолини, Черчилль). Антисемитизм, который в тридцатые годы приобрел в Германии экстремальную форму, был в межвоен-

ной Европе интегральным, полностью легитимным элементом политических дискуссий.

Гитлер считался политиком нового типа. Он не признавал традиционные правила политического этикета и отвергал «мещанскую мораль». Он утверждал, что договорные обязательства не должны ограничивать современного политика, и поэтому не имел ни малейшего намерения выполнять мюнхенское соглашение.

Готовясь к решающему столкновению с Францией, Гитлер должен был определиться в отношениях с Польшей. 24 октября 1938 г. министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Юзефом Липским представил германские условия «генерального урегулирования» германо-польских отношений (*Gesamtlösung*). Германский министр иностранных дел потребовал включить Гданьск в состав Рейха, признать за Германией право на экстерриториальную автостраду через «польский коридор» и вступления Польши в Антикоминтерновский пакт, который должен был быть дополнен оговоркой о консультациях. Тем самым Польша была обязана согласовывать свою внешнюю политику с Германией⁶⁶.

У Риббентропа были причины выбрать именно этот момент, чтобы выдвинуть претензии к Польше. Он хотел использовать изоляцию Польши и выставить ей счет за поддержку, оказанную в вопросе аннексии Тешинской области. Во-вторых, рассчитанный на четыре года план вооружения Германии начал уже приносить результаты, а по его выполнению к 1940 г. Гитлер собирался начать войну с Францией, стражем Версальской системы. Но на горизонте германской экономики появилась перспектива кризиса. Выходом из ситуации был ее перевод на военные рельсы. Для этого Гитлеру и нужна была война. Сначала он не планировал, что это будет война с Польшей.

Готовясь к конфронтации с Францией, Германии необходимо было разбить формальный франко-польский союз, а также создать полностью зависимую и контролируемую ею «буферную» зону, отделяющую ее от Советского Союза. Поэтому основными требованиями Гитлера к Польше были не территориальные вопросы. Ключевое значение имели политические постулаты. Речь шла о подчинении Польши целям германской внешней политики, символическим проявлением которого должно было стать присоединение Польши к антикоминтерновскому пакту. То есть Варшава должна была отказаться от фундаментального принципа своей внешней политики после 1919 г. не вступать в союз с одним из своих великих соседей, направленный против другого соседа. «Для Гитлера... польский отказ означал как срыв планов экспансии на восток, против Советского Союза, так и создавал риск войны на два фронта в случае вооруженного

* *Schweinehund* (нем.) — сволочь, подлец.

** *Pacta sunt servanda* (лат.) — договоры должны соблюдаться.

конфликта на западе. При этом ничто не говорит о том, что в планах германского диктатора было начать войну уже в 1939 г.»⁶⁷.

5 и 6 января 1939 г. в Берхтесгадене и Мюнхене Юзеф Бек провел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Во время этих встреч германские политики, не прибегая пока еще к угрозам, ясно повторили свои предыдущие требования. Кроме того, Гитлер заявил, что Рейх заинтересован в существовании сильной и «национальной» Польши, независимо от того, какой строй будет господствовать в России, а сильная польская армия уменьшает нагрузку на военный бюджет Германии. «Если у министра Бека еще оставались иллюзии насчет того, что ввиду возможного отказа Польши Германия не будет настаивать на своих октябрьских требованиях и что поставленные тогда условия были лишь собственной инициативой самого Риббентропа, то теперь его вывели из этого заблуждения. Польско-германские отношения быстро ухудшались, Берлин постепенно увеличивал давление на Варшаву, тем не менее, как германские, так и польские дипломаты держали данное обстоятельство в тайне. Гитлер еще рассчитывал в конце концов принудить Польшу к покорности, постепенно увеличивая нажим на нее»⁶⁸. А с точки зрения Варшавы преждевременное разглашение информации о германских требованиях в условиях проводимой Лондоном и Парижем политики «умиротворения» Гитлера никаким образом не могло позитивно повлиять на положение Польши. Кроме того, польские политики льстили себя надеждой, что германское предложение «генерального урегулирования» было лишь широко очерченной исходной позицией для переговоров, и потому думали, что компромисс возможен, хотя все менее вероятен⁶⁹.

А в Москве тем временем беспокоились, не будет ли улучшение после Мюнхена советско-польских отношений использовано Польшей в качестве разменной карты в переговорах с Германией. «Потемкин... выразил опасение, что наша совместная декларация [от 26 ноября 1938 г.] может оказаться всего лишь маневром и предметом торгов. Я категорически заявил, что если не считать независимость нашей политики аксиомой, то действительно очень трудно понять нашу политику. Тогда Потемкин выразился яснее, что Польша, имея на выбор гитлеризм и большевизм, скорее выберет гитлеризм. Я ему сказал, что такой альтернативы нет и что мы считаем одинаково нежелательной как большевизацию Германии, так и гитлеризацию России», — писал в Варшаву посол Гжибовски после беседы с заместителем народного комиссара иностранных дел 7 января 1939 г.⁷⁰

Так как в конце февраля 1939 г. в Москве продолжали разрабатывать планы боевых действий на случай совместной германо-польской военной акции против Советского Союза⁷¹, это может указывать на то, что в Москве не отдавали себе отчет в быстро ухудшающемся состоянии германо-польских отношений.

После Мюнхена из советской риторики исчезли лозунги, призывающие к созданию антифашистского фронта. Тем самым Советы старались показать, что теперь все варианты им доступны. В беседе с французским поверенным в делах в Москве Жаном Пайяром, состоявшейся в конце января 1939 г., Владимир Потемкин, заместитель Литвинова, правда, заявил, что франко-советский договор о взаимной помощи «по нашему мнению, остается в силе». Но на вопрос французского дипломата, не могут ли начинающиеся вскоре германо-советские переговоры о торговом соглашении перейти от экономических вопросов к политическим, он ответил, что хотя это и не кажется ему столь вероятным, но «мы никогда не исключаем возможность нормализации наших отношений с каким-либо государством»⁷². Несколькими днями позже Литвинов в беседе с новым французским послом Полем-Эмилем Наджаром был так же загадочен. «Мы остаемся готовыми к действительному сотрудничеству, если другим оно выгодно, но мы можем обойтись и без него, поэтому гоняться за ним мы не будем»⁷³.

Занятие вермахтом Праги 15 марта 1939 г., являющееся нарушением Мюнхенского договора, стало поворотным пунктом в европейской политике. Гитлер не собирался согласовывать свои действия в Восточной Европе с западными державами. Хотя германские дипломаты были уверены, что и на этот раз он мог бы получить согласие западных держав на изменение восточных границ Рейха. В феврале 1939 г. Эрнст фон Вайцекер, государственный секретарь министерства иностранных дел, отметил в своем дневнике, что присоединение к Рейху Гданьска, Клайпеды и получение сухопутного сообщения с Восточной Пруссией было бы «самым популярным в нашей стране и самым понятным для заграницы очередным актом германской внешней политики». Польшу, которая находилась в изоляции и не могла рассчитывать на чью-либо помощь, Германия могла бы легко «сократить» до размеров всего лишь «буфера», отделяющего Рейх от России⁷⁴. Аннексию Гданьска и даже ликвидацию «польского коридора» Гитлер мог осуществить в рамках мюнхенской системы. Но чтобы подчинить Польшу своим целям в Европе, лишить ее суверенитета, разбить польско-французский союз и ликвидировать Версальскую систему — ради всего этого, учитывая позицию польского руководства, которое отвергло его требования, он был вынужден нарушить Мюнхенский договор.

Ликвидация остатков Чехословакии преследовала цель окружить Польшу и оказать на польское руководство окончательное давление. Наверняка Гитлер еще не имел в виду войну с Польшей⁷⁵. Если бы было иначе, то занятие Праги следовало бы считать крупнейшей ошибкой, которую он совершил за свою политическую карьеру. Ликвидация Чехословакии должна была привести к изменению политики западных держав. Этот шаг позволил Польше выйти из политической и военной изоляции. Локализовать конфликт с Поль-

шей стало труднее, если вообще возможно. Владислав Кульский, в прошлом высокопоставленный дипломат, начальник юридического управления польского МИД, писал в своих воспоминаниях: «...Если бы Гитлер в марте 1939 г. вместо занятия Праги и чисто национальных чешских и словацких земель потребовал от Польши согласия на инкорпорацию Гданьска и Поморья, то он, конечно, мог бы смело атаковать Польшу, не опасаясь ввязаться в войну с Англией и Францией, общественное мнение которых считало бы, что только сопротивление Польши виной этой локальной войне»⁷⁶.

В ответ на нарушение Гитлером Мюнхенского соглашения Великобритании сделала беспрецедентный в истории поворот в своей внешней политике. Она решила политически вмешаться в защиту *status quo* в Восточной Европе. Однако этот поворот не был подготовлен ни с точки зрения концепции, ни с точки зрения дипломатической методологии. В результате в действиях британской дипломатии в марте 1939 г. царил хаос.

20 марта лорд Галифакс выступил с предложением о совместной декларации Великобритании, Франции, Советского Союза, Польши (позже к ней должна была присоединиться Румыния), которая предусматривала бы немедленный созыв конференции четырех по вопросу совместных действий в случае угрозы агрессии какому-либо европейскому государству со стороны Рейха. Эта инициатива, хоть и неподготовленная, сигнализировала о коренном изменении британской внешней политики. Но шансы на успех у этого проекта были нулевые. Ни Польша, ни Румыния, находясь под давлением Гитлера, не могли рисковать и участвовать в каком-либо даже символическом мероприятии без видов на реальную подстраховку со стороны западных держав⁷⁷. Польша, правда, была заинтересована в британской поддержке, которая дополняла бы ее союз с Францией. Но она с самого начала стремилась придать ей форму двустороннюю, а не многостороннюю. Многосторонний формат в Варшаве считали непрактичным и не приносящим Польше облегчения от германских требований. Формат, ограниченный лишь Польшей, Великобританией и Францией, явно заблокировал бы Советский Союз. «Что касается Франции, то союз от 1921 г. создает такую ситуацию, когда новый договор предлагаемой длительности не представляется в данный момент нужным, так как Франция, ввиду существующего между нами правового состояния *de facto* входит в эту комбинацию, а приглашение ее сейчас в новый консультационный договор подчеркивало бы то обстоятельство, что СССР из него исключен, чего мы хотели бы избежать»⁷⁸.

В свою очередь, вариант с участием Советского Союза в Варшаве считали рискованным и потенциально увеличивающим угрозу германской агрессии. Министр Бек объяснял это британским дипломатам следующим образом: «...Неприязнь, существующая

ныне между Берлином и Москвой, носит такой характер, что примешивание Советов к договору может внезапно и чрезвычайно быстро привести к общему конфликту... Сотрудничество с Советами может вызвать резкое решение Германии»⁷⁹.

В Париже польские опасения вызвали беспокойство. Французы находились до такой степени под впечатлением поворота в британской политике, что любой ценой хотели укрепить британцев в этом решении. Обязательства, вытекающие из польско-французского союза, создавали ситуацию, когда в Париже считали, что отношение Варшавы к британскому предложению не имеет ключевого значения. Приоритетом Парижа было налаживание сотрудничества с Советским Союзом. Это облегчило бы французам выполнение союзнических обязательств в отношении Польши и помогло бы развить зачатки британского участия в делах Центральной Европы. Поэтому премьер Даладье был готов заключить франко-англо-советское соглашение, не оглядываясь на Польшу⁸⁰.

Но Советский Союз уже тянул время. Советские дипломаты решительно опровергали сплетни, что в случае германской агрессии против Польши СССР автоматически придет ей на помощь⁸¹. Они давали понять, что Москва не собирается никому навязывать свою помощь и чувствует себя очень хорошо в положении «ничем не связанного» «внимательного наблюдателя»⁸².

Британские гарантии Польше и Румынии явным образом ограждали СССР от опасности гитлеровской агрессии. Косвенно Сталин получил даже значительно более надежный страховой полис, нежели Польша. Потому что Гитлер не имел никакой реальной возможности напасть на СССР без того, чтобы перед этим не покорить Польшу, связанную союзом с Францией и поддерживаемую Великобританией. А это означало, как тогда могло казаться, военную кампанию, по крайней мере, на несколько лет. Такая ситуация только поднимала роль Москвы и укрепляла ее позиции в торгах. Москва повышала цену⁸³. 4 апреля Литвинов писал Алексею Мерекалову, полпреду в Берлине: «Мы прекрасно знаем, что без нас нельзя остановить и задержать агрессию в Европе, и чем позже к нам обратятся за помощью, тем дороже нам заплатят. Поэтому мы так спокойно относимся к шуму, который поднялся вокруг так называемого изменения английской политики»⁸⁴.

Поэтому, принимая во внимание как стратегические цели британской политики, так и тактическую необходимость сохранить поле для маневра в отношениях с Москвой, трудно не поддаться впечатлению, что предоставление Чемберленом гарантий Польше и Румынии было шагом преждевременным и ошибочным. Лондон даром отдал Сталину козыри, которые позволили ему определять судьбу Европы. Таковы были результаты хаотичных поисков какой-нибудь спасительной доски для британской политики.

Начали сбываться предсказания Литвинова, сделанные в октябре 1938 г. Великобритания и Франция в поисках новых возможностей обуздать Гитлера обратились за помощью к СССР. Однако Сталину было не интересно спасать остатки версальского устройства и привилегированных позиций в нем Лондона и Парижа. 10 марта 1939 г. он сделал на XVIII съезде партии доклад, в котором обвинил Великобританию и Францию в том, что, отвергая принципы коллективной безопасности, они проводят гибельную политику поощрения агрессии. Целью Лондона и Парижа — по мнению Сталина — было поссорить Германию и Советский Союз и спровоцировать конфликт между ними. Советский руководитель отметил, что для такого конфликта нет никаких существенных причин, — что можно было принять за сигнал готовности начать переговоры с Гитлером⁸⁵. Сигнал, который Сталин хотел послать еще в середине октября 1938 г. в ответ на Мюнхенскую конференцию, когда он намеревался отказаться от союза с Францией, был, наконец, передан. Советский Союз «не будет таскать из огня каштаны» в интересах демократических держав, а сотрудничество с Третьим рейхом вполне возможно⁸⁶.

15 апреля Литвинов предложил Сталину воспользоваться благоприятной для Советского Союза обстановкой: «если мы вообще намерены начать сотрудничество» с Лондоном и Парижем. По его мнению, Советский Союз должен предложить заключить договор о взаимной помощи между тремя державами. Участники договора обязались бы также «оказать помощь европейским соседям СССР». В договоре было бы также записано, что его участники «не будут принимать решения и заключать соглашения, касающиеся востока Европы, с иными государствами без предварительного согласования между собой. Одновременно [...] не заключать сепаратный мир с агрессором»⁸⁷. Другими словами, Литвинов предлагал использовать падение мюнхенской системы для достижения давних целей и получения Советским Союзом статуса равноправной европейской державы. Выражением нового статуса должно стать создание директории: СССР, Великобритания и Франция — своего рода «Соглашения трех», которое и должно определять судьбы Восточной Европы. Это была цена, которую Литвинов предлагал выставить западным державам взамен за сотрудничество в сдерживании Гитлера.

У Сталина и Молотова были, однако, возражения. Председатель Совета народных комиссаров требовал, чтобы соглашение и трехсторонние гарантии охватывали также Турцию⁸⁸. Сталин же настаивал на том, чтобы Великобритания уточнила формулировку гарантий Польше и Румынии таким образом, чтобы было ясно, что они не касаются ситуации, в которой агрессором оказался бы Советский Союз. «Формально выходит на то, — писал Литвинов Сурицу, — что Англия окажет помощь также против нас. Хотя мы,

конечно, не собираемся нападать на Польшу, но считаем существование такого обязательства Англии не соответствующим духу тех отношений, которые как раз и намереваемся установить»⁸⁹. На самом деле постулат Сталина означал оспаривание status quo советско-польской границы. В условиях, когда по Европе ходили сплетни, слухи и спекуляции на тему всегда возможного раздела Польши, этот постулат должен стать для дипломатов западных держав предупредительным сигналом, который подрывал доверие к Сталину как к их потенциальному союзнику против Гитлера. Следует помнить, что европейские дипломаты к тому времени уже накопили богатый опыт в области дипломатической методологии наращивания территориальных претензий и были чрезвычайно чутки ко всем фальшивым нотам, которые могли предвещать новые проблемы подобного рода. Из самого факта выдвижения такого постулата можно сделать вывод, что уже в апреле Сталин начал искать возможности пересмотра границ с Польшей и не хотел, чтобы уже на начальном этапе переговоров с западными державами возникли какие-либо политико-правовые конструкции, которые связывали бы ему руки в этом вопросе.

В это же время за торгами за восточно-европейского союзника присоединились дипломаты Третьего рейха. 17 апреля Мерекалов — впервые с момента вручения верительных грамот канцлеру Рейха, которое состоялось 5 июня 1938 г. — нанес визит Эрнсту фон Вайцекеру. Госсекретарь германского МИД, оправдываясь за невыполнение советских заказов чехословацкими предприятиями «Шкода», выдвинул гипотезу, что в то время как германские экономические круги будут стремиться выполнить обязательства «Шкоды», военные, по всей видимости, будут этому противиться, задавая вопрос: «А можно ли давать Советскому Союзу зенитные орудия, если советское правительство ведет переговоры об участии в пакте (...), направленном против Германии». Затем Вайцекер заявил, что «Германия отличается от СССР в вопросе политических принципов. Однако в то же время она хочет развивать с ним экономические отношения»⁹⁰. Намек на возможность попытки выяснить позиции обеих сторон был очень прозрачен.

Во второй половине апреля 1939 г. Сталин имел перед собой две возможности: он мог либо приступить к сотрудничеству с западными державами с целью спасти status quo в Восточной Европе, либо начать проявлять расположение к Гитлеру, который стремился этот status quo разрушить. В Москву для консультаций были вызваны советские полпреды в Париже, Лондоне и Берлине. Перед отъездом Яков Суриц встретился в своей резиденции с представителями французских левых кругов. После официальной части он провел долгую секретную беседу с Франсуа де Тессаном и депутатом Национального собрания Французской Республики Лиоте, «левыми радикал-социалистами... кандидатами на руководящие

посты в министерстве иностранных дел на случай „реставрации Народного фронта“»⁹¹. В ходе этой встречи советский посол осветил позицию Москвы по главным международным проблемам. Он отметил, что проводимые британо-советские консультации по поводу пакта о взаимной помощи не имеют для Советского Союза приоритетного значения⁹². Потому что такого рода договор не послужит обеспечению советских интересов. По мнению Сурица, Сталин не верит, чтобы государства «капиталистической демократии» были способны пересмотреть свою политику «откупаться» от Гитлера, они будут ее продолжать, стремясь направить «германский „динамизм“» на восток. Суриц сказал, что советский руководитель с особым недоверием относится к «мюнхенцам», Чемберлену и паре Бонне-Даладьё, которых он считает сторонниками идеи «натравливания друг на друга СССР и Германии». Суриц объяснял, что Советский Союз опасается присоединяться к предлагаемому западными державами антигерманскому блоку, потому что это может означать, «что именно Красная Армия должна будет принять на себя всю тяжесть главного удара германских вооруженных сил, так как СССР граничит с теми странами, которые могут быть объектом германской агрессии». Советский дипломат сказал далее, что в Москве считается маловероятным, чтобы Германия ударила по Советскому Союзу и «поэтому помощь СССР в Европе считается „односторонней“ и не имеющей эквивалента с другой стороны». Тем более что, по мнению советской стороны, «Франция будет отсиживаться за линией Мажино, высовываясь время от времени, и то очень осторожно... Англия же может ограничиться защитой Голландии и, возможно, Бельгии и борьбой в воздухе». Суриц сказал также своим собеседникам, что Советский Союз может рассмотреть и другую возможность. «...Во время последней встречи Мерекалова с Риббентропом полпред в Берлине получил далеко идущие заверения германского министра иностранных дел, что Германия считает действующим советско-германский договор о ненападении и арбитраже⁹³ и готова подтвердить эту свою точку зрения любым формальным способом, даже в виде личного заявления рейхсфюрера. Риббентроп выразил надежду, что и СССР считает этот договор действующим и воздержится от подписания каких-либо обязательств, которые формально или фактически аннулировали бы его значение». В историографии не известна ни одна беседа Риббентропа с Мерекаловым, содержание которой хотя бы отдаленно напоминало изложение Сурица. Остальная же часть выводов Сурица находит подтверждение в других источниках⁹⁴. Литвинов действительно сомневался в готовности и решимости западных держав противостоять Гитлеру⁹⁵, а в Москве в это время действительно сравнивались два предложения — западных держав и Третьего рейха — и анализировались потенциальные выгоды. Суриц действительно должен был ехать в Москву на консультации.

21 апреля состоялось заседание Политбюро в составе: И. Сталин, В. Молотов, А. Микоян, Л. Каганович и К. Ворошилов, а также руководство Народного комиссариата иностранных дел: М. Литвинов и его заместитель В. Потемкин. Были приглашены также Майский, Мерекалов и Крапивенцев, советник советского представительства в Париже. Суриц, в конце концов, в Москву не поехал. Возможно, это было связано с желанием избежать сенсации, вызванной одновременным отсутствием руководителей советских загранучреждений в Лондоне, Париже и Берлине.

Заседание продолжалось с 13:15 до 16:50 и, по-видимому, на нем произошел резкий обмен мнениями на тему международной обстановки и внешней политики СССР. В ходе заседания Мерекалов, оценивая политику Гитлера и его цели на международной арене, высказал, якобы, точку зрения, что фюрер попытается совершить агрессию против Советского Союза через 2–3 года и поэтому следует отказаться от германских «авансов»⁹⁶. Литвинов высказался за создание тройственного союза Москвы, Парижа и Лондона. При этом он был против учета Турции в предлагаемой системе гарантий. В свою очередь, именно за такое решение высказывался Молотов, который, по всей видимости, был также сторонником отказа от предложения западных держав в пользу сотрудничества с Гитлером⁹⁷.

Результаты этого заседания имели, по-видимому, решающее значение для выбора направлений советской внешней политики летом 1939 г. Литвинов вновь появился в кабинете Сталина лишь 3 мая, то есть в тот день, когда «Политбюро удовлетворило просьбу Литвинова и освободило его от обязанностей Народного комиссара иностранных дел»⁹⁸. Его место занял Молотов. В тот же день в специальной телеграмме, разосланной советским представителям в важнейших столицах, Сталин разъяснял, что причиной отставки Литвинова был «серьезный конфликт» между ним и Молотовым, возникший в связи с нелояльностью Литвинова в отношении Совета Народных Комиссаров⁹⁹. Вскоре судьбу Литвинова разделил Мерекалов, который после заседания 21 апреля выехал в Берлин, откуда 5 мая был вновь вызван в Москву и в столицу Рейха уже не вернулся. Советские интересы в Берлине в последние месяцы мира представлял советник-посланник Георгий Астахов, которого французский историк Сабин Дюллен считала человеком НКВД¹⁰⁰. Таким образом, Сталин убрал из Народного комиссариата иностранных дел главных противников сближения с Германией.

Когда Гитлер узнал о британских гарантиях Польше, его охватило бешенство, он грозился «приготовить им [англичанам] дьявольский напиток»¹⁰¹. В своей речи в Вильгельмсхафене 1 апреля 1939 г. фюрер подверг Лондон нападкам за его политику «окружения» Германии при помощи «сателлитов». Он предостерегал от «таскания каштанов из огня для великих держав», потому что при этом можно обжечь

себе пальцы. Он насмеялся над попытками Великобритании пойти на соглашение с «большевистской Россией Сталина»¹⁰². В речи Гитлера в Вильгельмсхафене можно усмотреть связь с речью Сталина от 10 марта. Вскоре после этого фюрер приказал германским штабам начать подготовку к войне с Польшей¹⁰³.

В Берлине быстро осознали, что ключевым моментом может оказаться позиция Советского Союза в отношении новой ситуации на континенте. После предоставления гарантий Польше и попыток Лондона и Парижа включить СССР в антигерманскую коалицию¹⁰⁴ перед германской дипломатией встала новая проблема. Возникла необходимость выбить из рук Великобритании и Франции «российскую шпагу». Проблема заключалась в том, что Гитлер отвергал даже мысль о сближении с Советами. Чтобы склонить канцлера к этой идее, по всей видимости, пришлось прибегнуть к обману. Германские дипломаты, с ведома Риббентропа, начали манипулировать записями переговоров с советскими дипломатами¹⁰⁵, вкладывая свои предложения в уста советских собеседников. До Гитлера доходили известия, что в сближении заинтересован Сталин, советская же сторона была проинформирована о готовности Третьего рейха возобновить политическое сотрудничество с СССР¹⁰⁶.

Кампания, направленная на нейтрализацию возможного идеологического сопротивления нацистского руководства в вопросе о сотрудничестве с большевиками, была проведена германским МИД с широким размахом¹⁰⁷. В начале мая 1939 г. в его политическом департаменте появился анализ советской политики в первые месяцы 1939 г. под названием «Russlands Neuorientierung» (Новая ориентация России. — *Прим. перев.*). По мнению его авторов, начало британо-советских переговоров говорило в пользу того, что в случае вооруженного конфликта в Европе «внутриполитические и мировоззренческие различия не должны быть преградой для [создания. — С. Д.] союза, даже тогда, когда идеологическая противоположность настолько глубока, как между ультракапиталистической, частной английской монархией свободного рынка и радикально антикапиталистическим, атеистическим, коммунистическим большевизмом». В анализе отмечалось, что принятие такого принципа создаст для Третьего рейха значительно более выгодную ситуацию, чем для «западных демократий». Идеологические различия между Россией и «германской НСДАП» были значительно меньше, чем различия, разделяющие «государство авангарда пролетариата» и «капиталистическую английскую монархию». В последние годы, говорилось в анализе, причина разногласий между Германией и Россией лежала исключительно в идеологической плоскости. Но в настоящий момент в связи с новым подходом советской стороны к проблеме «идеологических преград» они уже не будут создавать проблем. Тем более что, присоединившись к предлагаемому Лондоном

антигерманскому блоку, Москва лишь усилит своих соседей — Польшу, Румынию и Британскую империю (Индия). Если дело дойдет до войны, то участие в ней Советского Союза «вместе с Германией против Польши было бы значительно менее рискованным и могло бы [помочь] вернуть старые белорусские и украинские земли, утраченные в пользу Польши»¹⁰⁸.

В мае 1939 г. МИД Германии точно предопределил цену, которую Третьему рейху придется заплатить за сотрудничество Сталина в ликвидации остатков версальского устройства. Такие же аргументы использовал, наверное, и Риббентроп, убеждая Гитлера предложить германскую оферту на объявленных в Кремле торгах. Следы этой аргументации мы можем проследить также в позиции Риббентропа, переданной Молотову 14 августа 1939 г. Она содержала предложение заключить германо-советское соглашение, предопределяющее судьбу мира в Европе¹⁰⁹. Итак, это был ключевой момент заключительной фазы советско-германских переговоров, которая завершилась заключением договора Риббентроп–Молотов 23 августа 1939 г.

Гитлер рвался к локальной войне с Польшей, а Сталин мог ему помочь локализовать эту войну, отвергнув сотрудничество с западными державами. В свою очередь, Парижу и Лондону Сталин был нужен, чтобы попытаться сдержать Гитлера дипломатическими средствами и оказывая на него политическое давление. В конечном счете, чтобы быть в состоянии оказать Польше эффективную военную помощь. Сталин же стремился использовать европейский кризис для изменения status quo в Восточной Европе и подчинения себе западных соседей. В середине апреля Литвинов, докладывая Сталину свои предложения по тройственному союзу, распространял действие договора на всех «европейских соседей СССР». Тем временем, гарантии западных держав получили только Польша и Румыния, два центрально-европейских государства, наиболее подверженные риску германской агрессии. Любой, кто хоть немного разбирался в европейской политике, понимал, что риск германского нападения на прибалтийские страны или Финляндию без предварительного покорения Польши был практически нулевой. Еще менее вероятной была возможность таким же образом совершить агрессию против СССР. Поэтому, когда летом 1939 г. в ходе англо-франко-советских переговоров о союзе против Третьего рейха Советский Союз прежде всего потребовал, чтобы помощь жертве агрессии могла быть оказана без ее на это согласия и даже могла быть ей «навязана», дипломатические круги в Европе посчитали, что Советский Союз стремится не спасти мир, а определить свои сферы влияния в Восточной Европе. Контраст с условиями развивающегося с апреля 1939 г. англо-франко-польского сотрудничества был резким. Ведь Лондон и Париж согласились с тем, что гарантии будут реализованы тогда, когда сама Польша посчитает, что ее интересы были нарушены¹¹⁰. На та-

ких же условиях в апреле 1939 г. Польша предложила свою помощь Литве¹¹¹.

Во второй половине июня произошла примечательная беседа лорда Галифакса с Иваном Майским. Глава британской дипломатии старался объяснить полпреду, что Лондон не может согласиться на включение в сферу трехсторонних гарантий Эстонии, Латвии и Литвы, потому что эти государства их просто не хотят, и до сих пор в истории не было прецедента предоставления гарантий тому, кто их решительно не желает. Майский возразил и с удивительной для дипломатических стандартов откровенностью выложил советские намерения: «Что касается... вашего тезиса об отсутствии соответствующего прецедента... то, во-первых, никто никому не запрещает создавать новые прецеденты. Во-вторых, ... вспомните доктрину Монро. Если Соединенные Штаты в 1823 г. могли в одностороннем порядке (не спрашивая мнения южноамериканских республик) заявить, что любую попытку держав „Священного Союза“, направленную на распространение „их системы“ на Южную Америку, они будут считать угрозой своей безопасности... то почему три великие державы Европы в 1939 г. не могут сделать нечто подобное в отношении трех прибалтийских государств?...

— То есть вы хотите, чтобы мы применили доктрину Монро к Европе? — [спросил Галифакс.]

— Не к Европе, — [ответил Майский] — но хотя бы только к Прибалтике»¹¹².

Майский был очень доволен собой. Для Галифакса советские требования стали шоком. В Европе, построенной на фундаменте представлений В. Вильсона, отрицающих — правда, непоследовательно, но тем не менее — «старую дипломатию» абсолютных властителей, уже развивающей идею создания Европейского Союза (Бриан!), тезис определения сфер влияния, как сто лет назад, без согласия заинтересованных государств, вне демократического контроля со стороны парламентов, несмотря ни на что, звучал как анахронизм. Особенно для ушей демократического политика. К сожалению, наступали времена варваров — Гитлера и Сталина.

Советские требования, по сути, ставили Лондон и Париж перед выбором: либо отдать Восточную Европу Гитлеру, который еще со времен Мюнхена последовательно добивался от западных держав развязать ему руки в Восточной Европе, либо отдать прибалтийские государства, а в будущем, наверняка, также и другие страны этого региона на откуп Сталину. Когда через несколько дней после беседы Галифакса и Майского Советский Союз потребовал признать *casus foederis** будущего союза также ситуацию так называемой косвенной агрессии, переговоры окончательно зашли в тупик. Все соседи СССР восприняли это как знак, говорящий о нарастании советского ревизио-

низма¹¹³. Действительно, возможность получить гарантии от большевистской России вызывала тревогу у всех ее западных соседей. Двадцать лет вся Европа относилась к Советам с опасением и недоверием и не считала их надежным партнером. И почему теперь, перед лицом общеевропейского кризиса доверия, западные соседи СССР должны были доверить свою безопасность ревизионистской державе?

Начало англо-франко-советских переговоров по военным вопросам в отсутствие политического соглашения было в этой ситуации с обеих сторон лишь имитацией деятельности. Уже в июле германские дипломаты были уверены, что если до конца месяца западные державы не добьются соглашения с Москвой по прибалтийским государствам, то Третий рейх и СССР быстро совершат раздел Восточной Европы¹¹⁴.

Сталин не был заинтересован в спасении мира в Европе. Выгоду ему могло принести лишь свержение версальского порядка. На его развалинах он мог построить собственную империю и обеспечить сферу влияния. Пока Гитлер не нарушил мюнхенский договор, он мог еще рассчитывать на изменение восточных границ Рейха без помощи войны. Сталин же такой возможностью не обладал. Он мог расширить сферу своего влияния только в случае германской агрессии против Польши и возникновения войны в Европе. 7 сентября советский руководитель открыто изложил свои мотивы: «Мы ничего не имеем против, чтобы они [Третий рейх, Польша и западные державы] хорошенько подрались и ослабили друг друга. Было бы неплохо, если бы руками Германии были подорваны позиции самых богатых капиталистических государств (особенно Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону на другую, чтобы они лучше подрались». Он заявил также, что Советский Союз будет сотрудничать с Германией с целью ликвидации польского государства. «Уничтожение этого государства означало бы, что одним буржуазным, фашистским государством меньше! Что плохого, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и новое население»¹¹⁵.

Единственное, чего Сталин мог потенциально опасаться — так это решения «польского кризиса» путем какого-нибудь «нового Мюнхена». Опять без участия СССР. Поэтому с апреля 1939 г. целью советских действий было блокирование возможности такого сценария. Основным в этой тактике было, с одной стороны, утвердить Гитлера в уверенности, что вооруженная конфронтация с Польшей не приведет к конфликту интересов с Советским Союзом. С другой стороны, этому служила имитация Москвой заинтересованности в создании совместно с Франци-

* *casus foederis* (лат.) — условия, при которых государство — участник международного договора — должно совершить предусмотренные данным договором действия.

ей, Великобританией, Польшей и другими государствами Центральной Европы своего рода оппозиции германским планам в Центральной Европе.

Учитывая развитие политической ситуации в Европе летом 1939 г., сдержать рвущегося к войне с Польшей Гитлера можно было только путем реального британо-франко-советского сотрудничества, основанного на однозначных гарантиях уважения Советским Союзом суверенитета и территориальной целостности всех его соседей. Но Сталин был в этом никак не заинтересован. Заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Третьим рейхом явилось венцом советских усилий по ликвидации преград, которые могли бы помешать Гитлеру вторгнуться в Польшу. Хотя шансы на создание антигерманского союза западных держав и СССР были невелики, тем не менее в Берлине опасались, что если, несмотря ни на что, такой союз возникнет, то он может нарушить все планы Гитлера. Чтобы исключить такую опасность, германские дипломаты из чисто тактических соображений вышли с предложением возобновить германо-советское сотрудничество на основе общих интересов, связанных с ликвидацией польского государства. 22 августа Гитлер, разъясняя мотивы, которыми он руководствовался при заключении соглашения со Сталиным, заявил: «Тем самым я выбил оружие из рук правительств [Великобритании и Франции. — С. Д.]. Польша впутана в ситуацию, которая нам необходима для достижения военного успеха»¹¹⁶. Если бы Москва отклонила его предложение, Гитлер бы пошел на попятную, созвав в Мюнхене съезд НСДАП «под лозунгом мира». Для Сталина же пакт Риббентроп–Молотов имел фундаментальное значение. Он толкал Гитлера к войне с Польшей и укреплял международные позиции Советского Союза, который, заключая этот договор, заявлял о своих претензиях на полноправный европейский статус. Вероятная польско-германская война, особенно в условиях пассивности со стороны Франции и Великобритании, исключала влияние этих государств на непосредственных соседей Советского Союза. «Буферная зона» теряла своих покровителей, что предоставляло Советам шансы вернуть Россию в ее предреволюционные границы. Однако ответственность за развязывание войны в 1939 г. ни в коем случае нельзя делить поровну между участниками пакта Риббентроп–Молотов. Гитлер хотел этой войны и к ней стремился. Сталин не намеревался спасать мир в Европе. Здесь есть определенная разница. Польша не могла уступить требованиям Гитлера. А западные державы — спасти европейский мир. Было уже слишком поздно.

Эпилог: «Странная война» на западе, «Странный союз» на востоке

Значение договора от 23 августа 1939 г. для обоих его участников постепенно росло по мере развития международной обстановки. Заключение англо-польского

союза 25 августа 1939 г., начало германской агрессии против Польши, а затем объявление войны Третьему рейху западными державами — все это склоняло Гитлера более практично, чем он ранее намеревался, воспользоваться договором со Сталиным. Не только в тактико-пропагандистских, но и в чисто военных целях. Но Германия не была уверена, останется ли в силе соглашение о разделе сфер влияния между Третьим рейхом и СССР в условиях новой военно-политической ситуации в Европе. Об этом свидетельствуют предпринятые Риббентропом попытки оказать разного рода давление на Кремль, чтобы заставить его вступить в войну против Польши¹¹⁷. Но Сталин был осторожен. Решение о том, что Красная армия в удобный момент выступит против Польши и займет согласованную с Германией часть ее территории, было принято в Москве, по всей видимости, 6 сентября. Но ожидание благоприятного момента для вступления в войну против Польши продолжалось еще несколько дней. Ключевое значение в этом вопросе имела не столько сила польского сопротивления Германии, сколько отсутствие активности французских и британских войск на западном фронте. По всей видимости, Сталин опасался, что слишком раннее вступление в Польшу может осложнить его отношения с Францией и Великобританией. Речь шла даже не столько о хорошем политическом обосновании, которое могло быть одобрено французскими и британскими политиками, сколько о возможной реакции общественного мнения в этих странах. Чтобы не ограничивать себе пространство для маневра в будущем, Советский Союз, несмотря ни на что, старался избегать создавать такие ситуации, которые позволили бы политическим наблюдателям назвать его агрессором и поставить в один ряд с Третьим рейхом. Проводникам такой тактической политики следует отдать должное — они реализовали ее очень эффективно.

Решение Высшего союзнического совета о неказнени Франции и Великобританией помощи Польше, принятое на секретном совещании в Аббевилле 12 сентября 1939 г., окончательно развеяло последние опасения Советов. 11 сентября вечером Гитлер узнал, что Красная армия, наконец, войдет в Польшу. 17 сентября 1939 г. Советский Союз совершил агрессию против Польши. Тем самым он вступил во Вторую мировую войну. В связи с этим следует помнить, что первый парад победы, в котором участвовала Красная армия, состоялся 22 сентября 1939 г. в Бресте на Буге, а принимали его комбриг Семен Кривошеин и генерал Ганс Гудериан.

Хотя польская дипломатия информировала союзников о возникновении состояния войны между Польшей и СССР, советское вторжение в Польшу не было воспринято международной общественностью как начало очередной войны. Неясность в отношении действительной природы германо-советского сотрудничества предписывала дипломатам западных держав

проявлять большую осторожность в формулировании позиции по вопросу о дальнейшем развитии отношений с Советским Союзом. В результате оба союзника Польши избрали тактику, сводящуюся к тому, чтобы «не толкать русских в плохую сторону», то есть в направлении Берлина. Расчеты Сталина строились в значительной мере на предвидении именно такого решения. Ситуация, которая явилась его следствием, позволяла советской стороне маневрировать между сторонами, участвующими в боевых действиях, в соответствии с образом мышления, который Сталин продемонстрировал руководству Коминтерна 7 сентября.

Проведение Советским Союзом «параллельной военной акции» в Польше — как определил советскую агрессию Вайцзекер в беседе с итальянским послом 27 сентября — окончательно положило конец боевым действиям на Висле. Это помогло Германии завершить военные действия на востоке и отдалило от нее угрозу ведения войны на два фронта¹¹⁸.

Если с сентября 1939 г. в течение полугода на западе Европы мы имели дело со «странной войной», когда военные действия происходили, главным образом, на море, то на востоке континента действовал «странный союз». Советы оказывали военную помощь Германии, ведущей войну, хоть и в ограниченных масштабах, сначала облегчая наведение немецкой авиации на польские города, а затем предоставляя базы германским подводным лодкам. Но более важную роль играла экономическая помощь, благодаря которой Гитлер смог быстро подготовиться к войне на западе. Начиная с 17 сентября 1939 г., в течение, по меньшей мере, года СССР поощрял действия Гитлера, направленные на ослабление позиций западных держав и пользовался результатами его

политики. Сталин, однако, отвергал возможность такого укрепления советско-германских отношений, которое ставило бы его в положение невоюющего союзника Германии. Когда 28 сентября 1939 г. Риббентроп вновь прибыл в Москву для подписания договора о дружбе и границе и при случае сделал Сталину завуалированное предложение о заключении формального союза, что было его собственной инициативой, советский руководитель ловко вывернулся. Он сказал, что такое решение возможно в будущем, если у Германии начнутся проблемы. Он заверил германского политика, что в подобной ситуации Советский Союз придет Третьему рейху на помощь. Намерением советского руководителя было подпитывать идущую войну и избегать любых ситуаций, которые могли бы его в эту войну втянуть. В беседах с Риббентропом Сталин маневрировал, склонял Рейх к началу наступления на западе Европы, обещал Германии далеко идущую помощь, если ее можно было скрыть от мировой общественности. Но демонстративная поддержка планов Гитлера уже не была в его интересах. В период со второй половины сентября 1939 г. до августа 1940 г. Советский Союз пользовался счетом, который он выставил Гитлеру за помощь в расправе над Польшей и в нейтрализации западных держав. После раздела Польши за германо-советское соглашение пришлось заплатить Эстонии, Латвии и Литве, затем пришла очередь Финляндии и, наконец, Румынии. Первая фаза Второй мировой войны характеризовалась германо-советским взаимодействием. «Станный союз» начал рушиться после падения Франции. А германская агрессия против Советского Союза 22 июня 1941 г. привела к великому «перевороту союзов». Началась новая фаза Второй мировой войны.

1. *Wandycz P. Aleksander Skrzyński, Minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2006. S. 47–48, 141. В свою очередь Август Залевски, преемник Скшиньского, утверждал: «Польше не за что вести войны» (*Zalewski A. Przemowy i deklaracje. Warszawa, 1929. T. 1. S. 6, 16*).*

2. *Wandycz P. The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French — Czechoslovak — Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988.*

3. *McDonough F. The Origins of the First and Second World Wars. New York, 1997. P. 43; Martin B. F. France in 1938. Baton Rouge, 2005. P. 17.*

4. *Record J. The Specter of Munich. Reconsidering the Lessons of Appeasing Hitler. Washington D.C., 2006.*

5. Цит. по: *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1965. S. 211.*

6. Такое наблюдение было сделано на фоне отрицательного отношения Польши к проекту Пакта четырех. См.: Письмо советника А. Мюльштейна министру Беку по поводу польско-французских разногласий, возникших на фоне вопросов разоружения, Париж, 25 февраля 1933 г. // *Diariusz i teki Jana Szembeka. (далее — DTJS) / Oprc. Tadesz Komarnicki. Londyn, 1964. T. 1. Dok. 5. S. 7.*

7. См.: *Wandycz P. The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French — Czechoslovak — Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988.*

8. *Kornat M. Polityka równowagi. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007. S. 478.*

9. *Laroché'a J. Polska lat 1926–1935. Warszawa, 1966. S. 123.*

10. Заявление министра Бека от 8 июня 1933 г. // *DTJS. T. 1. S. 23.*

11. *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. S. 111.*

12. *Świtalski K. Dariusz 1919–1935 / Oprac. A. Garlicki, R. Świątek. Warszawa, 1992 S. 658.*

13. Отчет Войкова об этой беседе был обнаружен в российских архивах лишь в 2004 г.: *Wandycz, Piotr; Borzęcki, Jerzy. Rozmowy Piłsudskiego z Wojkowem. Fragmenty Raportów // Zeszyty Historyczne. Z. 149/2004. S. 15, 17–18.*

14. Żerko S. Polska polityka zagraniczna w styczniu – sierpniu 1939 r. // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*. T. V. 2005. № 5/27. S. 22. Przypis 5. С. С. Жерко полемизирует с М. Корнатом, считающим обоснованным понятие «политика равновесия». См.: *Kornat S. Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem*. Kraków, 2007.
15. Запись беседы между министром иностранных дел и премьером, министром иностранных дел Великобритании, 4 апреля 1939 г. // *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne, 1939 / Styczeń – sierpień*, red. Stanisław Żerko. Warszawa, 2005. Dok. 173. S. 280. Подобная формулировка была использована Беком в отдельной беседе с Галифаксом 4 апреля: «Две вещи невозможны с точки зрения Польши, а именно зависимость ее политики либо от Берлина, либо от Москвы» (Там же. Dok. 171. S. 267).
16. *Piłsudski J. Pisma zbiorowe*. Warszawa, 1937. T. 5. S. 111.
17. Notatka z 7 marca 1936 r. // DTJS. T. II. S. 110. См. также источники, приложенные к записям от 7 марта (S. 402). Впервые об этом вопросе вспоминал в своих дневниках тогдашний французский посол Л. Ноэль (*L'Aggression allemande contre la Pologne. Une Ambassade à Varsovie*. Paris, 1946. P. 125).
18. *Beck J. Ostatni raport*. Warszawa, 1987. S. 120; *Gawroński J. Moja misja w Wiedniu*. Warszawa, 1965. S. 391–392. Подобные намерения были высказаны также два месяца спустя, во время пребывания Бека в Лондоне на торжествах, посвященных коронации Георга VI. Бек беседовал об этом с Н. Чемберленом, в то время главным государственным казначеем Англии. См.: *Nurek M. Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1932–1938*. Warszawa, 1983. S. 71–72. См. также: *Zacharias M. Geneza układu o wzajemnej pomocy między Polską a Wielką Brytanią // Władze RP na obczyźnie podczas II wojny światowej / Red. Z. Błażeński*. Londyn, 1984. S. 84–92.
19. Анджей Новак, выдающийся знаток польско-российских отношений в первые годы существования возрожденной Польши, считает, что более точным определением системы международных отношений в период между двумя мировыми войнами было бы «версальско-рижская система». Германия выступала против этой системы в Западной Европе, а большевики — в восточной части континента. См.: *Nowak A. Stosunki polsko-rosyjskie i polsko-sowieckie (1919–1921) a ład wersalski // Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918–1945 / Red. A. Koryn*. Warszawa, 1996. S. 30–42.
20. *Dimitrov G. Dnevnik (9 mart 1933 — 6 fievrualia 1949)*. Sofia, 1997. C. 128.
21. Классические подходы: *Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1973*. New York; Washington, 1974; *Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics*. Berkeley, New York; London, 1994; *Heller M., Niekricz A. Utopia u władzy. Historia Związku Sowieckiego*. T. 2. Wrocław, 1989. S. 33; *Librach J. The Rise of the Soviet Empire: A Study of Soviet Foreign Policy*. New York, 1964; *Bregman A. Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium współpracy sowiecko-niemieckiej 1939–1941*. Londyn, 1987; *Tarulis A. Soviet Policy Toward the Baltic States 1918–1940*. Oxford, 1963. См. также: *Furet F. Przeszłość pewnego złudzenia. Esej o idei komunistycznej w XX w.* Warszawa, 1996. Особенно S. 393 и след.; *Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Frankfurt a. Main 1987.
22. *Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, 1965. См. также: *Raack R. C. Polska i Europa w planach Stalina*. Warszawa, 1997. S. 19 и след.
23. Запись беседы Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с Криппсом, 1 июля 1940 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 240. С. 395.
24. *Rautenberg H-W. Zusammenbruch und Neubeginn deutscher Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg // Förster, Jürgen u. a. Deutschland und das bolschewistische Russland von Brest-Litowsk bis 1941*. Berlin, 1991. S. 9 и след.
25. См.: *Niclauss K. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935*. Bonn, 1966. Об отношении Коминтерна к НСДАП и роли коммунистов в победе Гитлера см.: *Weingartner T. Stalin und der Aufstieg Hitlers*. Berlin, 1970.
26. *Сталин И. В. Отчетный доклад на XVII съезде партии о деятельности ЦК ВКП(б) // Stalin J. W. Dzieła*. Warszawa, 1951. T. XVIII. S. 299.
27. Проект итогового раздела «За власть Советов» резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу Г. Димитрова, Москва, 21.7.1935 // *Коминтерн и идея мировой революции. Документы*. М.: Наука, 1998. Док. 216. С. 82, 881.
28. *Сталин И. В. Отчетный доклад на XVII съезде партии о деятельности ЦК ВКП (б)*. S. 307.
29. Об этом вопросе писал, в частности, А. М. Некрич: *Niekricz A. M. Partners, Predators, German-Soviet Relations 1922–1941*. New York, 1997. P. 91–98. См. также: *Bezymiensky L. Geheimmission in Stalins Auftrag, David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre // Viertelsjahrshefte für Zeitgeschichte*. Juli 1992. 40. Heft 3. S. 340–342. Об иных предложениях советской стороны, свидетельствовавших о ее готовности отказаться от сотрудничества с Третьим рейхом в «духе Рапалло» также писал А. М. Некрич: *Niekricz A. M. Partners, Predators, German-Soviet Relations 1922–1941*. P. 63–101. См. также: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*. Warszawa, 2007. S. 70. Przypis 24.
30. *Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг.* С. 242
31. *Coulondre R. De Stalin á Hitler*, Paris, 1950. S. 165.
32. Подробнее см.: *Kornat M. Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop-Mołotow*. Warszawa, 2002. S. 247.
33. Чехословацкие политики в годы Второй мировой войны приложили много труда, чтобы склонить западные державы признать Мюнхенский договор противоречащим международному праву, но все же им удалось добиться лишь половинчатого успеха. Правительству Э. Бенеша удалось склонить (22 августа 1944 г.) правительство Французской Республики к принятию чехословацкой правовой оценки Мюнхенских соглашений. Впоследствии, 26 сентября 1944 г., эти соглашения были признаны «ничтожными и несуществовавшими» итальянским правительством. Британское правительство 5 августа 1942 г. вышло из «всех обязательств, связанных с ним (соглашением)», хотя важно заметить, что оно не признало соглашение недействительным от момента его подписания. А. Д. Ротфельд отмечал, что заявление британского правительства гласило: «Между нашими странами Мюнхенское соглашение мы можем считать мертвым». То есть очевидно,

что правительство Его Величества не считало его таковым с самого начала, а приняло свое решение под давлением последующих событий. (См.: *Rotfeld A. D. Układ monarchijski a prawo międzynarodowe // Przegląd Zachodni. 1963. № 5. S. 65–68.*)

34. Историки, находящиеся под впечатлением этой политики, даже приходили к выводу, что она имела для Москвы фундаментальное значение: *Haslam J. The Soviet Union and the Straggle for the Collective Security. London, 1978.* См. также: *Hochman J. The Soviet Union and the Failure of the Collective Security 1934–1938. Ithaca, 1984.*

35. Станислав Жерко считает, что по этой причине можно говорить о попытках проведения «политики равновесия», но не между Россией и Германией, а между Германией и западными державами. (*Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań, 1998. S. 462.*)

36. Этот феномен подробно анализирует М. Корнат в статье «*„Polska jest mocarstwem“ — czyli z dziejów polskiej kultury politycznej*» («Польша является державой», или Из истории польской политической культуры») в кн.: *Kornat M. Polityka równowagi. Polska między Wschodem a Zachodem. S. 60–126.*

37. В инструкции послу в Лондоне от 29 сентября 1938 г. министр Бек указывал: «Прошу постараться без промедлений провести с видными политиками в Англии беседы, в ходе которых подчеркнуть, что польскому правительству непонятна явно недоброжелательная позиция британского правительства в отношении нас в начале чешского кризиса... Мы располагаем серьезными данными, чтобы считать, что мы постоянно имеем дело с желанием исключить нас из переговоров на тему Центральной Европы, которая нас непосредственно касается. Такого рода отношение затрудняет нам проведение политики равновесия, которая ранее всегда пользовалась признанием Англии» (Шифротелефонограмма министра иностранных дел послу в Лондоне: инструкции к беседам по вопросу Чехословакии // PDD. 1938. Dok. 337. S. 618).

38. 30 сентября 1938 г. в разговоре со своими ближайшими сотрудниками министр Бек следующим образом прокомментировал конференцию в Мюнхене: на конференции «директорией великих государств предпринята попытка навязать другим государствам кабальные решения (на что Польша согласиться не может, ибо тогда она превратится в политический объект, которым другие будут дирижировать по своему усмотрению)» (DTJS. T. IV. S. 283–284).

39. Шифротелефонограмма посла в Париже министру иностранных дел с предложением созвать конференцию по вопросу Чехословакии, 28 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 321. S. 604. В инструкции послам от 29 сентября 1938 г. министр Бек писал: «В разговорах прошу указывать на интригу Праги и некоторых ее покровителей, направленную на то, чтобы исключить нас из дискуссии по Центральной Европе. В соответствии с нашими принципами, мы не одобряем решений, принятых без нашего участия, а свои интересы мы будем обеспечивать собственными средствами» (Циркуляр министра иностранных дел по поводу бесед о позиции Чехословакии в отношении польских требований, 29 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 338. S. 619).

40. Доклад посла в Берлине на тему переговоров о Чехословакии // PDD. 1938. Dok. 320. S. 602.

41. 25 сентября министр Бек информировал посла в Берлине: «...Советы предприняли ряд демонстраций на нашей границе, которые, если рассматривать их с военной точки зрения, не имеют большого значения и которые мы оставили без внимания, а в случае необходимости ответим более энергично» (Шифротелеграмма министра иностранных дел послу в Берлине: инструкции на беседы в МИД Германии, 25 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 293. S. 571).

42. Отчет посла в Риге о беседе с латвийским министром обороны, 28 февраля 1939 // PDD. 1939. Styczeń – sierpień. Dok. 61. S. 120. См.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 242–243.*

43. В ней говорилось, что советское правительство «готово принять активное участие во всех мероприятиях, направленных на оказание коллективного отпора агрессору, даже если это могло бы привести к ухудшению его отношений с агрессором» (Интервью Народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям прессы // DWP. T. XXI. Dok. 82. S. 128).

44. Рапорт посла в Москве о позиции Советского Союза в отношении Чехословакии, 25 мая 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 122. S. 286.

45. «Правительство Р.П. констатирует, что своей позицией оно парализовало возможность интервенции Советов в чешский вопрос в более широких масштабах... Польша считает недопустимым, чтобы Советский Союз вмешивался в европейские дела» (Инструкция министра иностранных дел послу в Берлине к беседе с канцлером Гитлером: позиция Польши по вопросу Чехословакии, 19 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 239. S. 510).

46. См.: Ультимативная нота, врученная послом в Праге министру иностранных дел Чехословакии, 30 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 353. S. 640–642.

47. В 1938 г. в вопросе границ Чехословакии западные державы под давлением Гитлера окончательно решили признать приоритет этнических критериев перед историческими, что немедленно открывало проблему равного отношения ко всем соседям Чехословакии. В 1919–1920 гг. западные державы признали аннексию Слэнска Чешинского Чехословакией и тем самым поддержали выдвигаемые Прагой аргументы об исторической принадлежности этих земель короне Св. Вацлава. См.: *Kamiński M. K. Konflikt polsko-czeski 1918–1921. Warszawa, 2004.*

48. Инструкция министра иностранных дел послу в Праге по вопросу ультимативной ноты. 30 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 352. S. 638–639.

49. *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. S. 96.* См. также: *Stanisławska S. Polska a Monachium. Warszawa, 1967. S. 263.*

50. ADAP. D. V. Dok. 54.

51. Шифротелефонограмма посла в Берлине о беседе с министром иностранных дел Германии, 1 октября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 361. S. 649.

52. *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. S. 476; Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. S. 97–98.*

53. Записи Яна Шембека от 4 ноября 1938 г. на совещании у министра Бека // DTJS. T. IV. S. 339–343.

54. Отчет посла в Москве о беседе с Народным комиссаром иностранных дел СССР, 26 октября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 401. S. 731–733. Запись этой беседы советской стороной: ДВП. Т. XXI. Док. 434. С. 601–602. В результате 26 ноября 1938 г. было согласовано совместное коммюнике. Более подробно см.: *Materski W. Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa, 2005. S. 511 и след.*
55. На эту тему см.: *Dębski S. Zerwanie przez Wielką Brytanię stosunków dyplomatycznych ze Związkiem Sowieckim w 1927 r. Studium przypadku // Modernizacja, Centrum, Peryferie, Księga jubileuszowa z okazji 70. rocznicy urodzin Prof. Ryszarda Stempłowskiego / Red. W. Borodziej, S. Dębski. Warszawa, 2009. S. 73–100.*
56. Телеграмма Полномочного представителя СССР в Великобритании И. И. Майского Народному комиссару иностранных дел, 2 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 403. С. 557.
57. Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР Кулондром, 16 октября 1938 г. // Там же. Док. 423. С. 589.
58. Там же. С. 590.
59. И. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда // Исторический архив. 1994. № 5. С. 13; *Невежин В. «Если завтра в поход». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007. С. 111.*
60. Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу, 19 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 428. С. 594.
61. *Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 247; Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу, 4 ноября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 446. С. 619.*
62. *Żerko S. Niemiecka polityka zagraniczna 1933–1939. Poznań, 2005. S. 297.*
63. *Halder F. Dziennik wojenny. T. I. Zapis z 22 sierpnia 1939 r. Warszawa, 1971. S. 52.*
64. *Ramsden J. Don't Mention the War. The British and the Germans since 1890. London, 2007. P. 153–159.*
65. *Ibid. P. 159.*
66. После этой беседы были составлены две записки: в стандартном секретном отчете Липского вопрос германских требований не упоминался (*Notatka ambasadora w Berlinie: rozmowa z ministrem spraw zagranicznych o sytuacji w Europie // PDD. 1938. Dok. 399. S. 725–729*). Информация по этому вопросу содержалась в другой, «неофициальной», записке посла, предназначенной лично министру Беку (*Notatka z rozmowy ambasadora w Berlinie z ministrem spraw zagranicznych Niemiec — nieoficjalne, uzupełniające sprawozdanie // PDD. 1938. Dok. 400. P. 729–730*).
67. *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. S. 246–247.*
68. Там же. S. 183. Во время визита в Париж в декабре Риббентроп в беседах с министром Бонне вообще не касался этого вопроса (*ADAP. Serie D. Bd. 4. Dok. 370, 372*). 13 января государственный секретарь министерства иностранных дел Вайцзекер в беседе со шведским послом А. Г. Рихертом заявил: «Не существует никакой новой ориентации поляков, и это даже не принимается во внимание, потому что Польша очень заинтересована в нашей дружбе» (*Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes / далее — PAAA/. Büro des Staatssekretärs. Polen. Bd. 1. Sygn. 29683. K. 34524; Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. S. 75*).
69. По поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги Наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе этого города. Так же и по вопросу «экстерриториальной автострადы» Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939 г. См.: *Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoirs of Józef Lipski, Ambassador of Poland / Waclaw Jędrzejewicz (ed.). New York: Columbia University Press, 1968. Doc. 139. P. 504–507. См. также: Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 116–118. (опубликовано сначала на французском языке: *Dernier rapport. Politique Polonoise 1926–1939. Neuchâtel, 1951; англоязычное издание: Final raport. New York, 1957*).*
70. *Grzybowski do Pana Ministra Spraw Zagranicznych, 7.1.1939 // PDD. 1939. Styczeń – sierpień. Dok. 4. S. 13.*
71. *Барышников В. Н. Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период // Зимняя война. 1939–1940. В 2-х кн. Кн. 1. Политическая история / Отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен; Институт всеобщей истории РАН; Финляндское историческое общество. М.: Наука, 1999. С. 87.*
72. Запись беседы заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, 27 января 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 56. С. 79–80.
73. Письмо Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова полпреду СССР в Париже Я. Сурицу, 10 февраля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 82. С. 119.
74. *Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950 / L. E. Hill (Hrsg.). Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1974. S. 150, 146.*
75. *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. S. 274–275.* Еще в начале мая германский посол в Бухаресте в беседе с литовским дипломатом Тураускасом заявил, что Гитлер не хотел провоцировать войну с Польшей, так как «фюрер именно так, а не иначе предъявил германские требования в отношении Польши, не желая военной конфронтации, и что в этом отношении он не мог сильно ошибаться, обладая неплохим чувством политической действительности» (*Рачиньски [Бухарест] Министру иностранных дел, 17 мая 1939 г. Секретно // AAN. MSZ. Rumunia. Sygn. 6368*).
76. *Kulski W. Pamiętnik byłego dyplomaty // Zeszyty Historyczne. 1977. № 42. S. 156.* Занятие Гитлером Праги и Клайпеды (Мемель) он считает шагом, увеличивающим давление на Польшу: *Sowa A. L. U progu wojny. Kraków, 1997. S. 243–244.* См. также: *Weinberg G. Munich after 50 Years // Foreign Affairs. Vol. 67. 1998. № 1. P. 174–175.*
77. *Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 247–248.*

78. Письмо начальника западного управления послу в Лондоне об отношении Польши к британским предложениям, 23 марта 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń – sierpień. Dok. 126. S. 197.
79. Письмо директора кабинета министра иностранных дел послу в Лондоне о британских предложениях, 23 марта 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń – sierpień. Dok. 127. S. 199.
80. Суриц — Наркоминдел, 22 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 165. С. 218.
81. Сообщение ТАСС от 22 марта 1939 г. // Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 314; Записка Литвинова Сталину, 3 апреля 1939 г. // ДВП XXII. Кн. 1. Док. 194. С. 246.
82. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 248–249.
83. Так оценивает британские гарантии Польше А. Улам: *Ulam A. Expansion and Coexistence*. New York, 1975. P. 267 и след. См. также: *Murray W. The Change in the European Balance of Power 1938–1939: The Path to Ruin*. Princeton, 1984. P. 290 и след.
84. Литвинов — Мерекалову, 4 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 199. С. 252–253.
85. *Stalin J. W. Referat sprawozdawczy na XVIII zjeździe Partii o działalności KC WKP (b)*, Warszawa, 1950. S. 16–22.
86. У германского посла сначала были проблемы с правильным прочтением слов Сталина: «Позиция советского правительства по этому вопросу была принципиально уточнена Сталиным только на XVIII съезде Коммунистической партии: Советский Союз окажет поддержку любому государству, подвергшемуся нападению агрессора. В чем будет состоять эта поддержка, Сталин не сказал, а в другом месте своей речи указал на то, что будет избегать осложнений с другими странами» (Schulenburg do AA, 13.3.1939 // PAAA. Pol. Abt. V. Polen. Politischen Beziehungen zwischen Polen und Rußland. Bd. 1. Sygn. R 104130. K. 338480–338481). Более подробный отчет о речи Сталина см.: Schulenburg do AA, 13.3.1939 // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 1. S. 1–3. Подробнее см.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*. S. 79; *Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929–1941*, London; New York; Toronto, 1955 (1949). Vol. II. 1936–1941. P. 224–228; *Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1991. См. также: *Watt D. C. The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact. A Historical Problem // Essays in Honor of E.H. Carr*. London, 1974. P. 152–168.
87. Записка Литвинова Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину, 15 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 224. С. 228.
88. Там же, см. приписки к документу 229. С. 283. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 251.
89. Литвинов — Сурицу, 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 230. С. 284–285. См. также: Предложения, врученные Литвиновым послу Великобритании, 17 апреля 1939 г. // Там же. Док. 229. С. 283–284.
90. Запись беседы Мерекалова с фон Вайцзекером, 17.04.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 236. С. 291–292. Ср.: ADAP. Bd. VI. Dok. 217. О различиях в записях беседы, сделанных обоими дипломатами, а также об их последствиях для историографии я подробно писал в монографии: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*. S. 84–85.
91. Записка о высказываниях посла СССР в Париже, 20 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń-sierpień. Dok. 218. S. 361–365.
92. Это подтверждают и иные источники. 4 апреля Литвинов писал Мерекалову: «Мы прекрасно знаем, что без нас нельзя остановить и задержать германскую агрессию в Европе, и чем позже [западные державы] к нам обратятся за помощью, тем дороже нам заплатят. Поэтому мы так спокойно относимся к шуму, который поднялся вокруг так называемого изменения английской политики» // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 199. С. 252.
93. Искажение. По всей видимости, речь шла о «берлинском договоре» от 26 апреля 1926 г.
94. Записка без подписи о высказываниях посла СССР в Париже, 20 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń-sierpień. Dok. 218. S. 361–365. Этот документ первым опубликовал Марек Корнат: *Kornat M. Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop-Mołotow. Aneksy*. Dok. 7. S. 549. Критику этого источника я привожу в другом месте: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*. S. 83.
95. Литвинов — Майскому, 19 марта 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 155. С. 206–207.
96. См.: *Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история*. 1998. № 3. С. 13–14.
97. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 250–255.
98. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 18; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 35–36.
99. ДВП. Т. XXII. 1939. Кн. 1. Док. 269.
100. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 гг. С. 254.
101. По словам Канариса. См.: *Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende*. Hamburg, 1947. Bd. 2. S. 107.
102. *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945*. München, 1963. Bd. II. S. 1119 и след.
103. *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939*. S. 292–293.
104. О ходе переговоров весной и летом 1939 г. между Парижем, Лондоном и Москвой о создании антигерманского блока см.: Улам А. *Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1973*. New York; Washington, 1974/
105. *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*. S. 85
106. Там же; *Roberts G. The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany // Soviet Studies*. Vol. 44. № 1. P. 59.
107. Большую роль в этих мероприятиях сыграл посол Третьего рейха в Москве фон Шуленбург. Об этом см.: *Fleischhauer I. Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomaten, 1938–1939*. Frankfurt a. M., 1990.

- ^{108.} «Если уж дело идет к войне, войне за внешнеполитические интересы, вне всяких идеологических вопросов, почему это должна быть именно война за Польшу против Германии, бесприбыльная война, требующая огромных усилий, в то время как обратная война Германии против Польши была бы значительно менее рискованная и могла бы вернуть утраченные в пользу Польши старые белорусские и украинские земли». Документ появился между 4 и 10 мая 1939 г. Месяц спустя он с незначительными изменениями и под другим названием («Das Problem der russischen Politik» [Проблема русской политики. — Прим. перев.]), 27.6.1939 он был разослан к сведению во все министерства Рейха при посредничестве связанного с абвером аналитического бюро в Гамбурге (Aufklärungs — Ausschluss Hamburg — Bremen). *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Aneks. Dok. 1. S. 677; Dok. 2. S. 678–679.*
- ^{109.} Риббентроп — Шуленбургу, 14 августа 1939 г. // ADAP. Bd. VII. Dok. 56. S. 51.
- ^{110.} Запись беседы министра иностранных дел с премьером и министром иностранных дел Великобритании, 5 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń-sierpień. Dok. 180. S. 293–294.
- ^{111.} Отчет посла в Ковно о беседе с министром иностранных дел Литвы, 18 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń-sierpień. Dok. 204. S. 342–343.
- ^{112.} Дневник Майского, 24 июня 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Dok. 388. S. 497. Использование Майским в своем дневнике выражения «Прибалтика» могло говорить о сущности советских намерений.
- ^{113.} В начале июля 1939 г. латвийский высокопоставленный дипломат следующим образом оценивал ход московских переговоров: «Советская тактика представляет собой явно сознательным выискиванием трудностей (это, по его мнению, касается и вопроса гарантий прибалтийским государствам), и поэтому следует прийти к заключению, что Советы не видят пользы от заключения какого-либо пакта с Западом и хотели бы сохранить для себя свободу действий» (Запись беседы 1-го секретаря посольства в Риге с начальником балтийского управления латвийского МИД, 1 июля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń-sierpień. Dok. 375. S. 653).
- ^{114.} *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 91.*
- ^{115.} *Dimitrov G. Dnievnik (9 mart 1933 — 6 fevrualia 1949). C. 181–182.*
- ^{116.} *Halder F. Dziennik wojenny. T. 1. Zapis z 22 sierpnia 1939 r. S. 52.*
- ^{117.} Они описаны подробно в монографии. *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 109–110.*
- ^{118.} Там же. S. 146.